

Информация для цитирования:

Кратенко М. В., Ербахаев Е. А. Штрафные (карательные) убытки: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 580–602. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602.

Kratenko M. V., Erbakhaev E. A. *Shtrafnye (karatel'nye) ubytki: zarubezhnyy opyt i perspektivy implementatsii v rossiyskoe pravo* [Exemplary (Punitive) Damages: Foreign Experience and Prospects in Russian Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 580–602. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602.

УДК 347.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602

Штрафные (карательные) убытки: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право

М. В. КратенкоСанкт-Петербургский государственный университет
E-mail: maxkrat@yandex.ru**Е. А. Ербахаев**Китайский политико-правовой университет
E-mail: erbakhaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.08.2025

Введение: исследуются хорошо известный странам общего права институт штрафных убытков (*exemplary / punitive damages*), история его формирования, выполняемые функции и тенденции в правовом регулировании. **Цель:** соотнести штрафные убытки с другими формами гражданско-правовой ответственности, в том числе имеющими сверхкомпенсационный характер; определить условия присуждения штрафных убытков; оценить перспективы имплементации исследуемого института в гражданское законодательство России и обозначить возможные сферы его применения. **Методы:** используются формально-логический, исторический и сравнительно-правовой методы исследования. **Выводы:** реформы деликтной ответственности в США и других странах общего права превратили штрафные убытки из так называемых легких денег (*windfall*) в социально полезный инструмент, который позволяет избирательно воздействовать на субъектов, осознанно пренебрегающих правами и законными интересам других лиц. Этим объясняется включение норм о штрафных убытках в гражданское законодательство некоторых стран Азии (Китай, Южная Корея), обсуждение в доктрине стран континентальной Европы (Франция). Оценивая перспективы появления исследуемого института в России, авторы отмечают наличие в гражданском законодательстве санкций, выполняющих сходные функции, а также их избыточность применительно к регулированию потребительских отношений. Предлагается скорректировать существующую модель потребительского штрафа (ч. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей) в части условий его взыскания и «выгодополучателей» присужденной суммы.

Ключевые слова: возмутительное поведение; грубая неосторожность; штрафные убытки; наказание; права потребителя; ответственность изготовителя

© Кратенко М. В., Ербахаев Е. А., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Information for citation:

Kratenko M. V., Erbakhaev E. A. *Shtrafnye (karatel'nye) ubytki: zarubezhnyy opyt i perspektivy implementatsii v rossiyskoe pravo* [Exemplary (Punitive) Damages: Foreign Experience and Prospects in Russian Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 580–602. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602.

Kratenko M. V., Erbakhaev E. A. *Shtrafnye (karatel'nye) ubytki: zarubezhnyy opyt i perspektivy implementatsii v rossiyskoe pravo* // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 580–602. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602.

UDC 347.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602

Exemplary (Punitive) Damages: Foreign Experience and Prospects in Russian Law

M. V. KratenkoSt. Petersburg State University
E-mail: maxkrat@yandex.ru**E. A. Erbakhaev**China University of Political Science and Law
E-mail: erbakhaev@mail.ru

Received 28 Aug 2025

Introduction: the authors examine the concept of exemplary (punitive) damages, well known to common law countries, including the history of the emergence of this institution, its functions, and trends in legal regulation. **Purpose:** to compare punitive damages with other forms of civil liability, including those of over-compensatory (punitive) nature; to formulate the preconditions for awarding them; to assess the prospects of the implementation of this institution in Russian legislation and to outline possible areas of its application. **Methods:** dogmatic method, historical method, comparative legal analysis. **Conclusions:** tort law reforms in the United States and other common law countries have transformed punitive damages from so-called windfall into a socially useful tool that makes it possible to punish selectively and to deter wrongdoing by persons who consciously disregard the rights and legitimate interests of others. This explains the inclusion of norms on punitive damages in the civil legislation of some Asian countries (PRC, South Korea) as well as the discussion held in the doctrine of continental Europe. Assessing the prospects of the introduction of punitive damages in Russian law, the authors note the presence in Russian civil legislation of sanctions that fulfil similar functions, highlighting the excessiveness of these sanctions in the regulation of relations under consumer law. It is proposed to adjust the existing model of consumer fine (part 6 of Article 13 of the Consumer Protection Law) in terms of the prerequisites for its collection and the 'beneficiaries' of the awarded amount.

Keywords: outrageous act; gross negligence; exemplary damages; punitive damages; punishment; consumer rights; product liability

© Kratenko M. V., Erbakhaev E. A., 2025

This work is licensed under CC BY 4.0. To view a copy of the license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Exemplary (Punitive) Damages: Foreign Experience and Prospects in Russian Law

M. V. Kratenko

St. Petersburg State University
E-mail: maxkrat@yandex.ru

E. A. Erbakhaev

China University of Political Science and Law
E-mail: erbakhaev@mail.ru

Received 28 Aug 2025

Introduction: the authors examine the concept of exemplary (punitive) damages, well known to common law countries, including the history of the emergence of this institution, its functions, and trends in legal regulation. **Purpose:** to compare punitive damages with other forms of civil liability, including those of over-compensatory (punitive) nature; to formulate the preconditions for awarding them; to assess the prospects of the implementation of this institution in Russian legislation and to outline possible areas of its application. **Methods:** dogmatic method, historical method, comparative legal analysis. **Conclusions:** tort law reforms in the United States and other common law countries have transformed punitive damages from so-called windfall into a socially useful tool that makes it possible to punish selectively and to deter wrongdoing by persons who consciously disregard the rights and legitimate interests of others. This explains the inclusion of norms on punitive damages in the civil legislation of some Asian countries (PRC, South Korea) as well as the discussion held in the doctrine of continental Europe. Assessing the prospects of the introduction of punitive damages in Russian law, the authors note the presence in Russian civil legislation of sanctions that fulfil similar functions, highlighting the excessiveness of these sanctions in the regulation of relations under consumer law. It is proposed to adjust the existing model of consumer fine (part 6 of Article 13 of the Consumer Protection Law) in terms of the prerequisites for its collection and the 'beneficiaries' of the awarded amount.

Keywords: outrageous act; gross negligence; exemplary damages; punitive damages; punishment; consumer rights; product liability

Введение

Характерной чертой гражданско-правовой ответственности, отличающей ее от мер уголовного и административного наказания, является компенсационная направленность – возмещение потерпевшему причиненного вреда (убытков) ровно в том объеме, в котором он что-либо утратил, не меньше и не больше¹. Штрафные, или сверхкомпенсационные, санкции присутствуют в гражданском праве, но, скорее, как исключение из этого общего правила.

Однако в современном мире деятельность одних субъектов может создавать риски для широкого круга других: выпуск недоброкачественной продукции, раскрытие персональных данных, загрязнение окружающей среды. Нормы публичного права не всегда справляются с этими глобальными угрозами, и «эстафету» предсказуемо принимает частное право. Оправданием использования штрафных санкций может быть, с одной стороны, высокая социальная значимость охраняемых с их помощью интересов, а с другой – такое поведение делинквента, которое свидетельствует о явном пренебрежении к правам других лиц. В единичных случаях соответствующие действия могут и не представлять повышенной общественной

опасности, поэтому не образуют состав административного правонарушения или преступления, однако «в промышленных масштабах» даже мелкое зло заслуживает порицания и требует принятия превентивных мер, в том числе в рамках гражданского права.

В англо-американской правовой доктрине традиционно проводится деление убытков на компенсаторные (*compensatory*) и штрафные (*exemplary, punitive*). Первые, как и в российской правовой системе (ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), рассчитаны на возмещение потерпевшему понесенных расходов и упущенной выгоды. В свою очередь штрафные убытки присуждаются дополнительно к компенсаторным – за совершение ответчиком особо возмутительных действий, чтобы удержать его и других лиц от подобного поведения в будущем. Размер штрафных убытков определяется жюри присяжных / судьей с учетом характера поведения ответчика, его материального положения и прочих факторов. Наибольшее распространение вердикты о присуждении штрафных убытков получили в следующих сферах: причинение вреда личности, защита прав потребителей, охрана интеллектуальной собственности и пресечение недобросовестной конкуренции [32, с. 1260; 36, с. 359].

¹ 'Ni perte, ni profit pour la victim' (фр.).

Information in Russian

Штрафные (карательные) убытки: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право

М. В. Кратенко

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: maxkrat@yandex.ru

Е. А. Ербахаев

Китайский политико-правовой университет
E-mail: erbakhaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.08.2025

Введение: исследуется хорошо известный странам общего права институт штрафных убытков (*exemplary / punitive damages*), история его формирования, выполняемые функции и тенденции в правовом регулировании. **Цель:** соотнести штрафные убытки с другими формами гражданско-правовой ответственности, в том числе имеющими сверхкомпенсационный характер; определить условия присуждения штрафных убытков; оценить перспективы имплементации исследуемого института в законодательство России и обозначить возможные сферы его применения. **Методы:** используются формально-логический, исторический и сравнительно-правовой методы исследования. **Выводы:** реформы деликтной ответственности в США и других странах общего права превратили штрафные убытки из так называемых легких денег (*windfall*) в социально полезный инструмент, который позволяет избирательно воздействовать на субъектов, осознанно пренебрегающих правами и законными интересам других лиц. Этим объясняется включение норм о штрафных убытках в гражданское законодательство некоторых стран Азии (Китай, Южная Корея), обсуждение в доктрине стран континентальной Европы (Франция). Оценивая перспективы появления исследуемого института в России, авторы отмечают наличие в гражданском законодательстве санкций, выполняющих сходные функции, а также их избыточность применительно к регулированию потребительских отношений. Предлагается скорректировать существующую модель потребительского штрафа (ч. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей) в части условий его взыскания и «выгодополучателей» присужденной суммы.

Ключевые слова: возмутительное поведение; грубая неосторожность; штрафные убытки; наказание; права потребителя; ответственность изготовителя

Introduction

The specific feature of civil liability distinguishing it from criminal and administrative penalties is its compensatory nature – reimbursement for the harm (losses) exactly in the amount of the lost, no less and no more¹. Punitive, or over-compensatory, sanctions are found in civil law, but rather as an exception to this general rule.

However, nowadays the activities of some entities can pose risks to a wide range of others: the distribution of defective products, the disclosure of personal data, environmental pollution. Public law does not always cope with these global threats, and private law predictably comes to the rescue. The use of penalties in civil law relations may be justified, on the one hand, by the high social importance of the interests protected by them and, on the other hand, by such behavior of the tortfeasor that indicates a clear disregard for the rights of others. In some cases, the relevant actions may not pose an increased public danger, therefore they do not constitute an

administrative offense or a crime; however, 'on an industrial scale' even minor evil is reprehensible and requires preventive measures, including within the framework of civil law.

In common law countries, damages are traditionally divided into *compensatory* and *punitive (exemplary)*. The former, as in Russia, are designed to reimburse the victim for expenses incurred and profits lost (Article 15 of the Civil Code of the Russian Federation, hereinafter also referred to as the RF Civil Code). In turn, punitive damages are awarded in addition to compensatory damages for the defendant's outrageous behavior in order to deter him and others from such behavior in the future. The amount of punitive damages is determined by the jury/judge taking into account the severity of the defendant's guilt, his financial situation, and other factors. Punitive damages verdicts have become most widespread in the following categories of cases: personal injury, consumer rights protection, intellectual property infringement, and unfair competition [32, p. 1260; 36, p. 359].

¹ 'Ni perte, ni profit pour la victim' (Fr.).

Долгое время штрафные убытки были атрибутом исключительно законодательства и судебной практики в странах Содружества (Commonwealth). Однако в последние годы наблюдается интерес к данному институту в странах континентальной Европы и Азии. Для российского гражданского права штрафные, или сверхкомпенсационные, санкции также не являются terra incognita, активно обсуждаются в современной доктрине. Следует согласиться с коллегами в том, что существующий режим применения штрафных санкций не является оптимальным [9, с. 68; 12, с. 59]. Разъяснения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ обеспечивают дополнительную «настройку» данных санкций, исключаящую как избыточное финансовое давление на ответчика, так и чрезмерное обогащение на стороне истца¹. Однако проблема до конца не решена. Наиболее острую критику вызывает штраф за отказ удовлетворить требования потребителя в добровольном порядке (п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей²). Правовая природа этой санкции в законе не определена, как и фигура «выгодополучателя» [10, с. 247–253]. Штраф присуждается во всех случаях удовлетворения иска потребителя, то есть неизбежно, мало кого и к чему-либо стимулирует, воспринимается предпринимателями исключительно как средство обогащения потребителей и их юристов. Вместе с тем исключение из законодательства о защите прав потребителей данной санкции было бы поспешным решением. В заключительной части статьи сформулированы предположения, позволяющие сохранить потребительский штраф в качестве гражданско-правовой санкции, обеспечив при этом его более разумное и справедливое применение.

1. Концепция штрафных убытков в странах общего права

1.1. История появления института и функции

Прообразы штрафных убытков находят в древнейших источниках права, в частности в Кодексе Хаммурапи (1772 г. до н. э.), книге Моисея (около 1200 г. до н. э.) и пр. Как правило, речь идет о наложении взыскания в кратном размере к стоимости украденных вещей³. Считается, что соответствующие санкции были разработаны, с одной стороны, для более адекватного компенсирования ущерба пострадавшему, а

с другой – для наказания и устрашения делинквента, предотвращения аналогичного поведения в будущем [36, с. 351–352]. Эта гибридная концепция «компенсации-наказания» в общих чертах была впоследствии воспринята судами Англии и США.

В Англии появление термина exemplary damages связывают с двумя судебными процессами 1763 года, состоявшимися на фоне политических волнений. В деле *Huckle v. Money* (1763) истец-типограф был подвергнут незаконному аресту⁴ и в течение 6 часов находился под стражей. И хотя с задержанным обращались вполне уважительно, присяжные присудили истцу штрафные убытки в размере 300 фунтов, что многократно превышало стоимость его рабочего времени. Лорд судья Кэмден поддержал жюри и отметил, что присяжные имели полное право взыскать штрафные убытки в подобных обстоятельствах, когда ответчик грубо нарушил Magna Carta и действовал в тиранической манере. Жалоба представителей Короны на суровость вердикта была отклонена. Еще более четко суть штрафных убытков была определена в деле *Wilkes v. Wood* (1763), где истец также подвергся незаконному принуждению со стороны чиновников⁵. Давая напутствие присяжным, Лорд судья отметил, что денежная компенсация предназначена не только для удовлетворения интересов потерпевшего, но и, подобно наказанию, для предотвращения аналогичных действий в будущем, а также служит доказательством порицания присяжными соответствующего поведения⁶.

В дальнейшем штрафные убытки стали относительно распространенным явлением. Помимо случаев незаконного ареста и незаконного проникновения в жилое помещение, штрафные убытки присуждались в случаях нанесения побоев, клеветы, подстрекательства к совершению преступления [19, с. 391, 402]. Их обоснование (rationale) в рамках конкретного дела могло иметь нюансы: показать реакцию суда на вызывающий проступок⁷; удержать мужчину от поведения, не подобающего джентльмену⁸; предотвратить дуэль как способ восстановления испорченной репутации; сгладить общественное недовольство поступком ответчика и исключить вероятность расправы [37, с. 772]. Но имплицитно взыскание штрафных убытков всегда преследовало три цели: наказание (*punishment*), сдерживание (*deterrence*) и возмездие (*retribution*). Соответственно, основное

For a long time, punitive damages were an attribute exclusively of legislation and jurisprudence in the Commonwealth countries. However, in recent years, there has been growing interest in this institution in the countries of continental Europe and Asia. For Russian civil law, punitive, or over-compensatory, sanctions are also not terra incognita, they are widely discussed in the doctrine. It should be agreed that the current regime for the application of penalties is not optimal [9, p. 68; 12, p. 59]. Clarifications from the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation ensure a more equitable application of these sanctions, eliminating both excessive financial pressure on the defendant and unreasonable enrichment of the claimant¹. However, the problem has not been completely solved. The most criticized is the fine imposed by law for refusing to satisfy a consumer's demands on a voluntary basis (Item 6 of Article 13 of the Federal Law 'On the Protection of Consumer Rights', hereinafter referred to as the Consumer Protection Law²). The legal nature of this sanction is not clearly defined in the law, nor is the figure of the 'beneficiary' [10, pp. 247–253]. The fine is awarded in all cases of satisfaction by the court of the consumer's claim, not selectively, it has a minor stimulating effect and is perceived by entrepreneurs solely as a means of enriching consumers and their lawyers. However, it would be a hasty decision to exclude this sanction from the consumer law. In the final part of the article, proposals are formulated to preserve the consumer fine as a civil penalty, while ensuring its more reasonable and fair application.

1. The Concept of Punitive Damages in Common Law Countries

1.1. The History of the Legal Institution and Its Functions

The prototypes of punitive damages can be found in the ancient sources of law, in particular, in the *Code of Hammurabi* (1772 BC), the *Book of Moses* (about 1200 BC), etc. As a rule, there was established a penalty in multiple amounts of the cost of the stolen items³. It is believed that such penalties were formulated, on the one hand, to more adequately

compensate an injured person for the injury and, on the other hand, to punish the tortfeasor and deter him from such conduct in the future [36, pp. 351-352]. This hybrid concept of 'compensation-punishment' was subsequently adopted by the courts of England and the USA in general terms.

In England, the term 'exemplary damages' is associated with two trials held in 1763, which took place against the background of political unrest. In the case of *Huckle v. Money* (1763), the plaintiff, an apprentice journeyman printer, was unlawfully arrested⁴ and held in custody for six hours. Although he was treated relatively well, the jury awarded the plaintiff 300 pounds in punitive damages, which was many times the cost of his working time. Chief Justice Lord Camden supported the jury and noted that the jury had every right to recover punitive damages in such circumstances as the defendant grossly violated *Magna Carta* and acted in a tyrannical manner. The Crown agents' complaint about the severity of the verdict was dismissed. The essence of punitive damages was even more clearly defined in the case of *Wilkes v. Wood* (1763), where the plaintiff was also subjected to unlawful coercion by officials⁵. Giving the admonition to the jury, the Chief Justice Lord noted that monetary compensation was intended not only to satisfy the interests of the victim but also, like punishment, to prevent similar behavior in the future, and also served as proof of the jury's censure against the corresponding behavior⁶.

Subsequently, punitive damages became relatively common. In addition to cases of unlawful arrest and unlawful entry into a dwelling, punitive damages were awarded in cases of battery, defamation, and instigation to commit an offense [19, pp. 391, 402]. Rationale for awarding punitive damages could have nuances in the context of a specific case: to show the court's reaction to a defiant offense⁷; to deter the man from behavior unbecoming a gentleman⁸; to prevent a duel as a means of restoring a spoiled reputation; to smooth over public discontent with the defendant's actions and to eliminate the likelihood of reprisals [37, p. 772]. But implicitly, the recovery of punitive damages has always pursued three goals: *punishment*, *deterrence*, and *retribution*. Accordingly, the main

¹ См.: По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П.

² О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 фев. 1992 г. № 2300-1 (в ред. от 07.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Закон о защите прав потребителей.

³ См., например: Библия. Вторая книга Моисеева. Исх. 22:1.

⁴ В ордере, выданном именем короля Георга III, содержалось общее указание обыскать и задержать издателей подрывной литературы, без указания конкретных имен и адресов.

⁵ Производство незаконного обыска в жилом помещении.

⁶ Протокол судебного заседания. URL: <http://www.commonlii.org/uk/cases/EngR/1763/103.pdf>.

⁷ *Tullidge v. Wade* (1769).

⁸ *Merest v. Harvey* (1814).

¹ See: On the verification of the constitutionality of Subitem 2 of Item 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the 15th Commercial Court of Appeal: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 40-P of July 24, 2020. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

² On the Protection of Consumer Rights: Federal Law No. 2300-1 of February 7, 1992 (as of July 7, 2025). Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. Hereinafter referred to as the Consumer Protection Law.

³ See, for example: The Bible. The Second Book of Moses. Exodus 22:1.

⁴ The warrant issued in the name of King George III contained general instructions (without specifying the names and addresses) to search and to take into custody publishers of 'subversive literature'.

⁵ Unlawful search of the dwelling.

⁶ Record of the trial. Available at: <http://www.commonlii.org/uk/cases/EngR/1763/103.pdf>

⁷ *Tullidge v. Wade* (1769).

⁸ *Merest v. Harvey* (1814).

внимание уделялось не столько потерям потерпевшего, сколько поведению ответчика.

В 1964 году Палатой лордов было рассмотрено дело *Rookes v. Barnard*¹, в котором Лорд судья Девлин поставил под сомнение возможность присуждения штрафных убытков в неограниченном числе случаев, поскольку это приводит к смешению функций гражданского и уголовного права. Он также обратил внимание на то, что ни в одном из своих прежних решений Палата лордов не одобряла и не поощряла взыскание штрафных убытков. Из уважения к традициям и существующему прецедентному праву Девлин предложил ограничить взыскание штрафных убытков тремя категориями дел: 1) тиранические, произвольные или неконституционные действия государственных служащих²; 2) нарушение прав другого лица в расчете на получение прибыли, превосходящей нанесенный потерпевшему вред; 3) прямо предусмотренные законом основания для взыскания штрафных убытков. Позиция Девлина была поддержана другими членами Палаты лордов, что нашло отражение в последующей судебной практике. В частности, в деле *AB v. South West Water Services Ltd.* (1993) Апелляционный суд отказал во взыскании штрафных убытков с государственной водопроводной компании за загрязнение питьевой воды и утаивание соответствующей информации от населения, поскольку до 1964 года по аналогичным искам штрафные убытки не назначались. Однако позже, в деле *Kuddus v. Chief Constable of Leicestershire Constabulary* (2001), Палата лордов отклонила ограничения, установленные в деле *AB*, допустив присуждение штрафных убытков и по другим категориям споров (например, в случае расовой дискриминации). В целом судебная практика и доктрина по вопросу взыскания штрафных убытков оставались противоречивыми [14, с. 369–372], что в итоге стало поводом для обсуждения штрафных убытков и смежных категорий в специальном докладе Комиссии по реформированию права (Law Reform Commission)³ и комментариях к указанному докладу [20, с. 860–869].

В США появление термина punitive damages связывают с делом *Genay v. Norris* (1784). Ответчик, врач по профессии, решил подшутить над своим приятелем-иностранцем и подсыпал ему в вино большую порцию афродизиака. В результате истец в течение нескольких недель испытывал острые боли. Этот хулиганский поступок, по словам председательствующего судьи, был настолько беспричинным и возмутительным, особенно для врача, что заслуживал порицания и присуждения значительной суммы убытков. Присяжные восприняли напутственное слово и взыскали в пользу истца 400 фунтов [15, с. 2].

Одна из гипотез объясняет популярность штрафных убытков в США тем, что они обеспечивали защиту бестелесных благ (изображения, репутации, приватности и т. п.), которые вплоть до начала XIX века не признавались самостоятельным объектом правовой охраны [17, с. 5–7]. Показательным является дело *Coryell v. Colbough* (1791). Во время беременности истицы ответчик умышленно и без всякого повода нарушил условия брачного договора. Присяжные пришли к выводу, что поведение ответчика было крайне неподобающим и нанесло серьезный ущерб репутации истицы. В результате с ответчика были взысканы штрафные убытки. Впоследствии вердикты присяжных о присуждении штрафных убытков вышли далеко за пределы возмещения немущественного ущерба (non-pecuniary damage), а в 70-х годах прошлого века получили наибольшее распространение в делах об ответственности за вред, причиненный недоброкачественной продукцией. Американские ученые назвали этот период взрывом судебных разбирательств (*litigation explosion*). Увеличилось количество деликтных исков, равно как и суммы присуждаемых потерпевшим штрафных убытков [31, с. 338; 18, с. 4–5]. Наиболее заметным стало дело *Liebeck v. McDonald's* (1994). Истиче, которая обожглась горячим кофе, присяжные присудили 160 тыс. долл. в качестве компенсаторных убытков и 2,7 млн долл. в качестве штрафных. Причиной взыскания штрафных убытков в столь значительном размере стал тот факт, что руководству компании McDonald's было давно известно о рисках для потребителей, однако необходимые предупредительные меры не предпринимались. Предупреждающая надпись о высокой температуре напитка была выполнена мелким шрифтом.

Подобно английскому прецедентному праву, доктрина и судебная практика в США выделяют следующие функции штрафных убытков: наказание ответчика за его возмутительное поведение и порицание, особенно в тех случаях, когда отсутствуют или неэффективны уголовно-правовые санкции; сдерживание ответчика и других от совершения аналогичных действий в будущем; стимулирование правоохранительной деятельности за счет усилий частных лиц [37, с. 775–776]. Наказание и превенция включены в определение штрафных убытков в параграфе 908 Второго свода деликтного права США (в оригинале "...Punitive damages are awarded to punish the defendant for his or her outrageous conduct and to deter such conduct in the future")⁴. Отмечается также, что штрафные убытки могут выполнять и компенсационную функцию (в качестве побочной), обеспечивая истцу возмещение расходов на оплату услуг

focus was not so much on the losses incurred by the victim as on the behavior of the defendant.

In 1964, the House of Lords considered the case *Rookes v. Barnard*¹, in which Lord Devlin questioned the possibility of awarding punitive damages in an unlimited number of cases as this led to a confusion of the functions of civil and criminal law. He also noted that the House of Lords had neither approved nor encouraged the recovery of punitive damages in any of its previous decisions. Out of respect for tradition and existing case law, Devlin suggested limiting the recovery of punitive damages to three categories of cases: 1) oppressive, arbitrary, or unconstitutional actions by government servants²; 2) a defendant has calculated that the profit to be made from their wrongful act will exceed any compensatory damages they might have to pay; 3) grounds for the collection of punitive damages are expressly authorized by law. Devlin's position was supported by other members of the House of Lords, which was reflected in subsequent case law. In particular, in the case of *AB v. South West Water Services Ltd.* (1993), the Court of Appeal refused to award punitive damages from the state water company for polluting drinking water and withholding relevant information from the public, since punitive damages had not been awarded in similar claims before 1964. However, later, in the case of *Kuddus v. Chief Constable of Leicestershire Constabulary* (2001), the House of Lords rejected the restrictions set out in the *AB* case, allowing for the awarding of punitive damages in other categories of disputes (for example, in cases of racial discrimination). Overall, judicial practice and doctrine regarding the recovery of punitive damages remained controversial [14, pp. 369-372], which eventually led to a discussion on punitive damages and related issues in a special report of the Law Reform Commission³ and in comments to that report [20, pp. 860-869].

In the USA, the term 'punitive damages' is associated with the case of *Genay v. Norris* (1784). The defendant, a doctor, decided to play a trick on his friend, a foreigner, and added a large portion of aphrodisiac into his wine. As a result, the plaintiff experienced significant pain for several weeks. According to the presiding judge, this hooliganism was so unreasonable and outrageous, especially for a doctor, that it deserved condemnation and the awarding of a significant amount in damages. The jury received this admonition and awarded 400 pounds in favor of the plaintiff [15, p. 2].

One of the hypotheses explains the popularity of punitive damages in the USA by the fact that they provided protection for non-material values (images, reputation, privacy, etc.), which, until the beginning of the 19th century, were not recognized as independent objects of legal protection [17, pp. 5-7]. The case of *Coryell v. Colbough* (1791) is illustrative. During the plaintiff's pregnancy, the defendant intentionally and without any reason violated the terms of the prenuptial agreement. The jury concluded that the defendant's behavior was extremely inappropriate and caused severe damage to the reputation of the plaintiff. As a result, punitive damages were recovered from the defendant. Subsequently, jury verdicts awarding punitive damages went far beyond compensation for non-pecuniary damage, and in the 1970s they became most widespread in cases of liability for harm caused by defective products. American scientists have called this period the 'litigation explosion'. The number of tort claims increased, as well as the amount of punitive damages awarded to victims [31, p. 338; 18, pp. 4-5]. Most notable was the case of *Liebeck v. McDonald's* (1994). The jury awarded the plaintiff, who burned herself with hot coffee, \$160,000 in compensatory damages and \$2.7 million in punitive damages. The reason for the recovery of punitive damages in such a significant amount was the fact that the management of McDonald's had long been aware of the risks to consumers, yet necessary precautionary measures were not taken. The warning notice about the high temperature of the drink was made in small print.

Similar to English common law, the doctrine and judicial practice in the United States distinguish the following functions of punitive damages: punishing the defendant for his outrageous behavior and censuring him, especially in cases where no criminal remedies are available or those available are inadequate; deterring the wrongdoer and others from behaving in the same manner in the future; stimulating law enforcement through the efforts of individuals [37, pp. 775-776]. Punishment and prevention are included in the definition of punitive damages in § 908 of the Restatement (Second) of Torts ('Punitive damages are damages, other than compensatory or nominal damages, awarded against a person to punish him for his outrageous conduct and to deter him and others like him from similar conduct in the future')⁴. It is also noted that punitive damages can also perform a compensatory function (as their secondary function): through providing the plaintiff with compensation for

¹ URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1964/1.html>.

² Девлин подчеркнул, что речь идет о тирании именно со стороны лиц, наделенных государственной властью.

³ Law Reform Commission. Consultation Paper on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages (April, 1998). URL: https://www.lawreform.ie/_fileupload/consultation%20papers/cpAggravatedDamages.htm.

⁴ American Law Institute. Restatement (Second) of Torts (1979).

¹ Available at: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1964/1.html>.

² Devlin emphasized that this referred to tyranny on the part of officials endowed with state authority.

³ Law Reform Commission. Consultation Paper on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages (April, 1998). Available at: https://www.lawreform.ie/_fileupload/consultation%20papers/cpAggravatedDamages.htm.

⁴ American Law Institute. Restatement (Second) of Torts (1979).

представителя¹; возмещение вреда/убытков, доказывание которых или расчет по правилам компенсаторных убытков затруднительны (моральный вред, убытки в случае нарушения интеллектуальных прав или вследствие недобросовестной конкуренции) [43, с. 123–124].

В Австралии присуждение штрафных убытков стало сложившейся практикой после рассмотрения Высоким Судом дела *Whitfield v. De Lauret & Co Ltd* (1920) [16, с. 89]. В этом деле была озвучена формула, согласно которой штрафные убытки могут присуждаться в ситуациях, когда ответчик сознательно совершает противоправные действия с явным пренебрежением к правам других лиц (в оригинале “...Exemplary damages will be awarded in cases of conscious wrongdoing in contumelious disregard of another’s rights”). В последующих прецедентах формула лишь незначительно уточнялась. Так, в деле *Gray v. Motor Accident Commission* (1998) судьи Высокого Суда отметили, что штрафные убытки взыскиваются редко и необходимо установить нечто большее, чем просто виновное правонарушение. В установлении этого отягчающего обстоятельства австралийские судьи имеют дискрецию, в целом придерживаясь позиции Высокого Суда по делу *Whitfield*.

В отличие от британских коллег, австралийские судьи не ограничены лишь тремя категориями споров, где допускается назначение штрафных убытков. При рассмотрении дела *Uren v. John Fairfax & Sons Pty Ltd.* (1966) Высокий Суд указал, что сформированный в английском праве ограничительный подход² не применяется в Австралии, достаточно лишь соответствия требования критериям из дела *Whitfield*. Штрафные убытки возможны в контексте практически любого правонарушения за изъятиями, прямо предусмотренными федеральным законодательством и законами отдельных штатов (территорий). Законодательная интервенция в части исключения штрафных убытков ведется по трем основным направлениям – диффамация³, неосторожное причинение смерти или вреда здоровью (в результате ДТП, несчастного случая на рабочем месте и т. д.)⁴, ответственность государства за незаконные действия сотрудников полиции (в отдельных штатах⁵). В соответствии со сложившейся практикой штрафные убытки также не взыскиваются за нарушение договорных обязательств [28, с. 700–703].

1.2. Вопросы терминологии: штрафные убытки и смежные категории

Для общего права характерны различные конструкции убытков (*damages*), при этом основания их присуждения нередко пересекаются.

Так, особо циничное или иное вызывающее поведение делинквента, которое усилило страдания потерпевшего, может повлечь взыскание как увеличенных убытков (*aggravated damages*⁶), так и штрафных. В свою очередь наличие у ответчика мотива извлечь выгоду за счет нарушения прав другого лица дает возможность выбора для истца – потребовать штрафные убытки или так называемые реституционные (*restitutionary damages*)⁷. В последнем случае возмещение потерпевшему выплачивается исходя из полученной ответчиком прибыли, даже если по фактическим обстоятельствам сам истец не смог бы извлечь такую прибыль⁸. Иными словами, подобно штрафным убыткам, некоторые санкции также могут выполнять функцию наказания, возмездия, превенции.

Комиссия по реформированию права в своем итоговом докладе (1998)⁹ пришла к выводу, что перечисленные выше три категории убытков необходимо разграничивать. Увеличенные и реституционные убытки направлены в первую очередь на возмещение ущерба потерпевшему, поэтому являются разновидностью компенсации (*remedy*¹⁰), а не наказания (*punishment*).

В частности, увеличенные убытки направлены на компенсацию определенного типа вреда, а именно психических страданий (*mental distress*) или какой-то их части. Предпосылкой для их взыскания является способ совершения ответчиком противоправных действий (например, особая жестокость) или его последующее поведение (равнодушие, насмешки), которые причиняют истцу дополнительные страдания. В конечном счете, по мнению Комиссии, увеличенные убытки будут ассимилированы в общих правилах о компенсации морального вреда.

Применительно к реституционным убыткам Комиссия отметила их сходство с исками о возврате неосновательного обогащения, где характер поведения или форма вины ответчика юридически безразличны. Даже если реституционные убытки в каких-то случаях выполняют превентивную функцию, это не

expenses relating to legal representation¹; through compensation for harm /damages the proof or calculation of which according to the rules of compensatory damages is difficult (moral harm, damages caused by violation of intellectual rights or due to unfair competition) [43, pp. 123-124].

In Australia, the award of punitive damages became an established practice following the High Court's review of the case of *Whitfield v. De Lauret & Co Ltd.* (1920) [16, p. 89]. In this case, the formula was announced according to which exemplary damages could be awarded in cases of conscious wrongdoing in contumelious disregard of another’s rights. In subsequent precedents, the formula was only slightly refined. For example, in the case of *Gray v. Motor Accident Commission* (1998), the High Court judges noted that punitive damages were rarely awarded and it was necessary to establish something more than just a culpable offense. In establishing this aggravating circumstance, Australian judges have discretion, generally adhering to the position of the High Court in the *Whitfield* case.

Unlike their British counterparts, Australian judges are not limited to just three categories of disputes where punitive damages are allowed. In the case of *Uren v. John Fairfax & Sons Pty Ltd.* (1966) the High Court indicated that the restrictive approach² formed in English law did not apply in Australia and that it was enough to meet the criteria of the *Whitfield* case. Punitive damages are possible in the context of almost any offense, with exceptions expressly provided for by federal and state (territorial) laws. Legislative intervention regarding the exclusion of punitive damages is conducted along three main fields – defamation³, infliction of death or injury to health by negligence (as a result of road accidents, workplace accidents, etc.)⁴, and state responsibility for unlawful actions of police officers (in some states⁵). In accordance with established practice, punitive damages are also not awarded for break of contractual obligations [28, pp. 700-703].

1.2. Questions of Terminology: Punitive Damages and Related Categories

Common law is characterized by various constructions of *damages*, with the grounds for their award often overlapping.

For example, a particularly cynical or other defiant behavior of the delinquent that has increased the suffering of the victim, may lead to the recovery of both *aggravated damages* and punitive damages. In turn, the defendant's goal to benefit by violating the rights of another person provides the plaintiff with the right to seek punitive damages or so-called *restitutionary damages*⁶. In the latter case, compensation to the victim is paid based on the profit received by the defendant even if, according to the actual circumstances, the plaintiff himself would not have been able to make such profit⁷. In other words, in a way similar to punitive damages, some sanctions may also fulfil the functions of punishment, retribution, and prevention.

The Law Reform Commission concluded in its final report (1998)⁸ that the three categories of damages listed above ought to be distinguished. Aggravated damages and restitutionary damages are primarily aimed at compensating for loss, so they are a type of remedy rather than punishment.

In particular, aggravated damages are aimed at compensating for a certain type of harm, namely mental distress or some part thereof. The prerequisite for their recovery is the manner in which the defendant has committed the unlawful acts (for example, peculiar ferocity) or their subsequent behavior (indifference, mockery) that cause the plaintiff additional suffering. Ultimately, according to the Commission, aggravated damages will be assimilated into the general rules on compensation for moral harm.

Regarding restitutionary damages, the Commission noted their similarity to claims for the return of unjust enrichment, where the nature of the defendant's behavior or form of his guilt are legally indifferent. Even if restitutionary damages serve a preventive function in some instances,

¹ Особенностью процессуального права США является то, что каждая сторона самостоятельно несет расходы на оплату услуг юриста (расходы не взыскиваются с проигравшей стороны).

² Имеется в виду позиция Палаты лордов в деле *Rookes v. Barnard* (1964).

³ Defamation Act 2005 (New South Wales), section 37; Defamation Act 2006 (North Territory), section 35; Defamation Act 2005 (South Australia), section 35; Defamation Act 2005 (Tasmania), section 37, etc.

⁴ Accident Compensation Act 1985 (Victoria), section 134AB; Workers Compensation Act 1987 (New South Wales), section 151R.

⁵ Police Act 1892 (West Australia), section 137(6).

⁶ Термин также можно перевести как «убытки при отягчающих обстоятельствах».

⁷ Эксперты по общему праву отмечают сходство реституционных убытков с конструкцией *disgorgement of profits* (истребование доходов), популярной в доктрине и судебной практике континентальной Европы.

⁸ Соответственно, нарушение прав другого лица перестает быть экономически выгодным, что обеспечивает необходимый превентивный эффект.

⁹ Consultation Paper on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages (April, 1998).

¹⁰ В переводе с англ. «возмещение, исправление, лекарство».

¹ A feature of U.S. procedural law is that each party to the case independently bears the costs of the attorneys’ fees (expenses are not recovered from the losing party).

² This refers to the position of the House of Lords in *Rookes v. Barnard* (1964).

³ Defamation Act 2005 (New South Wales), section 37; Defamation Act 2006 (North Territory), section 35; Defamation Act 2005 (South Australia), section 35; Defamation Act 2005 (Tasmania), section 37, etc.

⁴ Accident Compensation Act 1985 (Victoria), section 134AB; Workers Compensation Act 1987 (New South Wales), section 151R.

⁵ Police Act 1892 (West Australia), section 137(6).

⁶ Common law experts note the similarity of restitutionary damages with the construction of *disgorgement of profits*, which is widely referred to in the doctrine and employed in judicial practice of continental Europe.

⁷ Accordingly, the violation of another person's rights ceases to be cost-effective, which provides the necessary preventive effect.

⁸ Consultation Paper on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages (April, 1998).

переводит их в разряд наказания. Их основная цель – обеспечить эффективную защиту в случае присвоения или иного посягательства на чужие права. Механизм реституционных убытков, по мнению Комиссии, является относительно новым и динамичным, поэтому не следует ограничивать его применение какими-либо конкретными категориями правонарушений и лучше довериться судебной практике.

Наконец, при выборе между терминами *exemplary damages* и *punitive damages* Комиссия отдала предпочтение первому, поскольку он акцентирует внимание на превентивном эффекте санкции и ее социальной значимости. В качестве аргумента Комиссия привела цитату из выступления Лорда Хэйлшема в деле *Cassell v. Broome* (1972) – о том, что термин *exemplary damages* более четко отражает политику права и намерение законодателя научить ответчика тому, что правонарушения не приносят доход.

1.3. Условия присуждения штрафных убытков

Штрафные убытки могут быть присуждены при условии, что требование истца к ответчику о возмещении компенсаторных убытков признано обоснованным [37, с. 772–773; 36, с. 365–366]. В этом смысле штрафные убытки носят производный от основного требования характер. Следовательно, истец должен доказать наличие соответствующих условий ответственности делинквента – в зависимости от характера деликта (диффамация, причинение вреда дефектной продукцией и пр.). Далее должно быть продемонстрировано, что в поведении ответчика было нечто большее, чем просто правонарушение.

В докладе, посвященном штрафным убыткам (1998), Комиссия по реформированию права пришла к выводу, что речь идет об определенном уровне неприемлемости поведения ответчика с точки зрения морали и принятых в обществе ценностей. Сформулировать точное определение через какую-то конкретную форму вины затруднительно. Суды, как правило, используют один из следующих критериев: злой умысел (*malice, deliberate*)¹; мстительность (*vindictiveness*); высокомерие (*arrogant*)²; аморальный или вопиющий характер поведения (*outrageous or fragrant*); существенное безразличие (*serious disregard of or recklessness*) к правам истца³. Ранее, в докладе о гражданско-правовых аспектах диффамации (1991)⁴, уже был сформулирован необходимый стандарт вины для присуждения штрафных убытков: наглое, высокомерное и мстительное поведение ответчика либо грубое пренебрежение к правам

истца. Комиссия посчитала, что этот стандарт сохраняет свою актуальность и вполне может использоваться в качестве универсального. При этом не обязательно, чтобы действия ответчика были умышленными, достаточно безрассудства или грубой небрежности. В каком-либо законодательном уточнении стандарт вины, по мнению Комиссии, также не нуждается, поскольку желательнее сохранить дискрецию присяжных и судей в данном вопросе.

В США для взыскания штрафных убытков истец должен доказать, что проступок ответчика является настолько вопиющим, что заслуживает более сурового денежного взыскания, чем одна лишь компенсация потерпевшему причиненного ущерба. Законодательство и суды штатов используют разные формулировки для описания необходимого стандарта виновности: в Калифорнии необходимо доказать наличие в действиях ответчика жестокости, обмана (*fraud*), прямого или косвенного умысла (*malice, expressed or implied*)⁵; в Мичигане – наличие злого умысла (*willful act*), грубой небрежности (*very grossly negligent act*) или явного пренебрежения к правам и безопасности других лиц (*wanton or reckless act*); в Миннесоте – умышленное безразличие ответчика к правам других лиц [37, с. 774; 32, с. 1265–1266]. Модельный закон США об ответственности за дефектную продукцию (Model Uniform Products Liability Act, 1979) в параграфе 129(A) определил основание взыскания штрафных убытков следующим образом: «Если потерпевший представит явные и убедительные доказательства того, что причиненный ему вред является следствием сознательного пренебрежения продавца или изготовителя к безопасности покупателей или иных пользователей товара». Авторы Второго свода деликтного права США хотя и сделали упор на вопиющем поведении ответчика (*outrageous conduct*), однако также определили его через злой умысел (*evil motive*) и явное безразличие (*reckless indifference*) к правам других лиц⁶.

Резюмируя, можно сказать, что для взыскания штрафных убытков в странах общего права должна быть доказана серьезная степень вины ответчика – умысел или по меньшей мере грубая неосторожность.

1.4. Критика штрафных убытков в доктрине и законодательные реформы (опыт США)

Примерно в 1970-е, когда штрафные убытки стали настоящим «хитом» в делах об ответственности производителя в США, в прессе были высказаны следующие замечания в адрес данного института: непредсказуемость вердиктов присяжных в части

this does not categorize them as punishment. Their main goal is to ensure effective protection in case of appropriation of other people's rights or any other encroachment upon them. In the Commission's opinion, the mechanism for restitutionary damages is relatively new and dynamic, so its application should not be limited to any specific categories of offenses, and it is better to rely on case law.

Lastly, when choosing between the terms *exemplary damages* and *punitive damages* the Commission preferred the former because it focuses on the preventive effect of the sanction and their social significance. As an argument, the Commission cited a quote from Lord Halesham's speech in the case of *Cassell v. Broome* (1972) stating that the term *exemplary damages* more clearly reflects the policy of law and the intention of the legislator to teach the defendant that offenses do not bring profit.

1.3. Conditions for Awarding Punitive Damages

Punitive damages may be awarded provided that the plaintiff's claim against the defendant for compensatory damages is found to be justified [37, pp. 772–773; 36, pp. 365–366]. In this sense, punitive damages are derived from the main claim. Accordingly, the plaintiff must prove the existence of the appropriate conditions for liability of the delinquent, depending on the nature of the tort (defamation, harm caused by defective products, etc.). It must also be demonstrated that there was something more in the defendant's behavior than just an offense.

The Law Reform Commission, in its report on punitive damages (1998), concluded that this is a matter of a certain level of unacceptability of the defendant's conduct from the perspective of morality and societal values. It is difficult to formulate a precise definition through any specific form of guilt. Courts usually use one of the following criteria: malintent (malice, deliberate¹); vindictiveness; arrogance²; outrageous or flagrant conduct; serious disregard of or recklessness toward the plaintiff's rights³. Earlier, in the report on the civil law aspects of defamation (1991)⁴, the necessary standard of guilt for awarding punitive damages was already formulated: outrageous, arrogant, and vindictive behavior of the defendant, or gross

disregard for the rights of the plaintiff. The Commission considered that this standard remained relevant and may well be used as a universal one. It is not necessary for the defendant's actions to be intentional; recklessness or gross negligence is sufficient. In the opinion of the Commission, the standard of guilt also does not need any legislative clarification since it is preferable to preserve the discretion of the jury and judges in this matter.

In the United States, to recover punitive damages the plaintiff must prove that the defendant's misconduct is so egregious that it merits a more severe monetary penalty than just compensation for the damages caused to the victim. State legislatures and courts use different terminology to describe the required standard of guilt: in California, it must be proven that the defendant acted with cruelty, fraud, direct or indirect intent (malice, expressed or implied)⁵; in Michigan, it is necessary to prove the defendant's willful act, very grossly negligent act, or wanton or reckless act; in Minnesota, punitive damages are awarded if the defendant's intentional indifference to the rights and safety of other person is convincingly proven [37, p. 774; 32, pp. 1265–1266]. The U.S. Model Uniform Products Liability Act of 1979 defined the basis for awarding punitive damages in section 129(A) as follows: 'If the victim provides clear and convincing evidence that the harm caused to him is the result of the seller's or manufacturer's *conscious disregard* for the safety of buyers or other users of the product'. The authors of the Restatement (Second) of Torts, although focusing on the defendant's *outrageous conduct*, also defined it through *evil motive and reckless indifference* to the rights of others person⁶.

In summary, it can be said that for the recovery of punitive damages in common law countries, a serious degree of guilt of the defendant must be proven – intent or at least gross negligence.

1.4. Criticism of Punitive Damages in the Doctrine and Legislative Reforms (the Experience of the USA)

Around the same time in the 1970s, when punitive damages became a real 'hit' in product liability cases in the USA, the following weak points of this institution were criticized in the press: the unpredictability of jury verdicts with respect to the amount of punitive

¹ Vorvis v. Insurance Corporation of British Columbia (1989).

² Uren v. John Fairfax and Sons Pty Ltd.

³ Uren v. John Fairfax and Sons (1966); XL Petroleum (NSW) Pty Ltd v. Caltex Oil (Australia) Pty Ltd (1985).

⁴ Law Reform Commission. Report on the Civil Law of Defamation (1991).

⁵ California Civil Code, § 3294 (1981).

⁶ Restatement (Second) of Torts (1979), § 908(2).

¹ Vorvis v. Insurance Corporation of British Columbia (1989).

² Uren v. John Fairfax and Sons Pty Ltd.

³ Uren v. John Fairfax and Sons (1966); XL Petroleum (NSW) Pty Ltd v. Caltex Oil (Australia) Pty Ltd (1985).

⁴ Law Reform Commission. Report on the Civil Law of Defamation (1991).

⁵ California Civil Code, § 3294 (1981).

⁶ Restatement (Second) of Torts (1979), § 908(2).

размера присуждаемых штрафных убытков; снижение шансов других потерпевших получить аналогичную компенсацию, что и первый истец (например, в случае массового распространения дефектной продукции и большого количества пострадавших); риск доведения до банкротства ответчика и негативные последствия для экономики в целом. Так, в деле *Pennzoil Co. v. Texaco (1987)* с ответчика, в связи с неправомерным вмешательством в договорные отношения, были взысканы штрафные убытки в сумме 3 млрд долл., наряду с упущенной выгодой из-за несостоявшейся сделки в размере 7,53 млрд долл. После объявления вердикта ответчик инициировал процедуру собственного банкротства. Предприниматели называли штрафные убытки случайной удачей для потребителя (*smart money, windfall*¹), средством наживы для юристов и стимулом к сутяжничеству [30, с. 140–145].

В свою очередь в доктрине ключевыми стали вопросы о том, насколько совместимы штрафные убытки с общепринятым делением права на частное и публичное и корректно ли привлекать лицо к фактически публичной ответственности, не обеспечив ему должные гарантии судебной защиты (надлежащую процедуру, презумпцию невиновности, стандарт доказывания на уровне *beyond reasonable doubt*²). Ряд американских ученых и вовсе усматривают в штрафных убытках угрозу конституционному строю США [35, с. 1117, 1119].

Комиссия по реформированию права не могла проигнорировать данные замечания. Часть из них, по мнению Комиссии, не являлась бесспорной. Например, деление права на частное и публичное никогда и ни в какой правовой системе не было строгим (герметичным). Гораздо лучше признать эту реальность и определить четкие параметры применения публично-правовых средств в гражданском праве. В заключительной части доклада о штрафных убытках (1988) были сформулированы предложения, направленные на устранение или смягчение отрицательных аспектов данной санкции: 1) о необходимости учета совокупности факторов при определении размера штрафных убытков (степени вины ответчика, суммы взысканных компенсаторных убытков, включая увеличенные³; финансового положения ответчика); 2) о невозможности взыскания штрафных

убытков в случае, если ответчик уже был привлечен к административной или уголовной ответственности в форме штрафа за то же правонарушение (недопустительности двойной ответственности); 3) о предпочтительности использования повышенного, в сравнении с обычным для гражданских дел, стандарта доказывания – *clear and convincing evidence*⁴, распространенного в практике судов США при рассмотрении исков о взыскании штрафных убытков⁵. В части риска избыточного обогащения одного потерпевшего и недопустимости аналогичных выплат другим истцам Комиссия не пришла к единому выводу. С одной стороны, было справедливо замечено, что основной целью присуждения штрафных убытков является превенция, а не компенсация причиненного вреда, поэтому достаточно однократного взыскания значительной суммы с ответчика (в пользу первого истца). С другой стороны, Комиссия оставила открытым для обсуждения вариант сплит-системы, при которой присужденные штрафные убытки (либо их часть) направляются в бюджет или специальные компенсационные фонды для потерпевших.

В сравнении с другими странами Содружества, в США суммы взыскиваемых штрафных убытков были высокими, если не сказать катастрофическими для ответчиков⁶, поэтому потребность в реформировании данного института для многих была очевидной [27, с. 609–610]. В деле *Gore v. BMW of North America Inc. (1996)*⁷ присяжные вынесли вердикт о взыскании с ответчика в пользу истца 4 тыс. долл. компенсаторных убытков и еще 4 млн долл. в качестве штрафных. Основанием послужили недобросовестные действия ответчика, который перед продажей перекрасил автомобиль и предложил его истцу в качестве нового. Верховный Суд Алабамы снизил размер штрафных убытков до 2 млн долл. Верховный Суд США пересмотрел и это решение, указав на чрезмерность присужденной суммы, и сформулировал следующие критерии: 1) степень предосудительности поведения ответчика; 2) наличие разумной взаимосвязи между размером компенсаторных и штрафных убытков; 3) сравнение штрафных убытков с административными или уголовными штрафами, налагаемыми за сопоставимое поведение. При повторном слушании дела Верховный Суд Алабамы снизил

damages awarded; reduced chances of other victims to receive similar compensation as the first plaintiff (for example, in case of mass distribution of defective products and a large number of victims); the risk of forcing the defendant into bankruptcy and of negative consequences for the economy as a whole. For example, in the case of *Pennzoil Co. v. Texaco (1987)*, for wrongfully interfering in contractual relations, the defendant was awarded punitive damages in the amount of \$3 billion, along with forgone benefit from the failed deal amounting to \$7.53 billion. After the verdict was announced, the defendant initiated its own bankruptcy procedure. Entrepreneurs described punitive damages as smart money or windfall for consumers, a source of profit for lawyers, and an incentive for litigation [30, pp. 140-145].

In turn, the doctrine has focused on issues regarding how compatible punitive damages are with the generally accepted division of law into private and public, and whether it is correct to bring a person to public responsibility without providing them with the necessary guarantees of legal protection (due process, presumption of innocence, standard of proof at the level of *beyond reasonable doubt*¹). A number of American scientists see punitive damages as a threat to the constitutional order of the USA [35, pp. 1117, 1119].

The Law Reform Commission could not ignore these remarks. In the opinion of the Commission, some of them were not indisputable. For example, the division of law into private and public has never been strict (hermetic) in any legal system. It is much better to acknowledge this reality and establish clear parameters for the use of public law tools in civil law. The final part of the report on punitive damages (1988) outlined proposals aimed at eliminating or mitigating the negative aspects of this sanction: 1) about the need to take into account the combination of factors when determining the amount of punitive damages (the degree of the defendant's guilt; the amount of awarded compensatory damages, including aggravated damages²; financial situation of the defendant); 2) about the impossibility of

awarding punitive damages if the defendant has already been brought to administrative or criminal responsibility in the form of a fine for the same offense (prevention of double responsibility); 3) about the preference for using the heightened standard of proof (as compared to the ordinary standard for civil cases) – *clear and convincing evidence*, which is common in the practice of U.S. courts when considering claims for punitive damages³. In the part concerning the risk of excessive enrichment of one claimant and the unavailability of similar payments to other plaintiffs, the Commission did not reach a consensus. On the one hand, it was rightly noted that the main purpose of the award of punitive damages is prevention, not compensation for the damage caused, therefore, a one-time recovery of a significant amount from the defendant in favor of the first plaintiff is sufficient. On the other hand, the Commission left open for discussion the option of a split system, in which the awarded punitive damages or part of them are transferred to the budget or special compensation funds for the victims.

By comparison to Commonwealth countries, the amounts of punitive damages awarded in the USA were high, if not to say catastrophic for the defendants⁴. Therefore, the need for reform of this institution was obvious to many [27, pp. 609-610]. In the case of *Gore v. BMW of North America Inc. (1996)*⁵, the jury awarded the plaintiff \$4,000 in compensatory damages and \$4 million in punitive damages. The basis for the verdict was bad faith actions of the defendant, who repainted a car before selling it and offered it to the plaintiff as a new one. The Alabama Supreme Court reduced the amount of punitive damages to \$2 million. The U.S. Supreme Court reviewed this decision, pointing out the excessiveness of the awarded amount, and formulated the following criteria: 1) the reprehensibility of the defendant's behavior; 2) the reasonable relationship between the size of compensatory and punitive damages; 3) the comparison of punitive damages with administrative or criminal fines imposed for comparable behavior. During the retrial, the Alabama Supreme Court reduced punitive

¹ В пер. с англ. «манна небесная, неожиданная удача».

² В пер. с англ. «вне всякого сомнения». Данный высокий стандарт доказывания применяется в странах общего права при рассмотрении уголовных дел. В свою очередь для разрешения гражданских дел используется пониженный стандарт доказывания – *preponderance of the evidence* (преобладающей вероятности).

³ В частности, если сумма присужденных потерпевшему компенсаторных убытков уже сама по себе достаточна, чтобы обеспечить превентивный эффект, нет необходимости в дополнительном взыскании штрафных убытков. Комиссия не усмотрела необходимости в законодательном ограничении верхней планки штрафных убытков (*statutory caps*), поскольку это станет препятствием для учета вышеуказанных факторов, а в случае с состоятельным ответчиком – не обеспечит достаточный превентивный эффект.

⁴ В пер. с англ. «ясные и убедительные доказательства».

⁵ По состоянию на 2014 г. в законодательстве 35 штатов США установлен именно этот стандарт доказывания для требований о взыскании штрафных убытков [23, с. 342–343].

⁶ Например, в 1985 г. средний размер штрафных убытков в делах об ответственности производителя составил около 1 млн долл. [18, с. 4–5].

⁷ *BMW, Inc. v. Gore*, 701 So. 2d 507 (Ala. 1997).

¹ This high standard of proof is applied in common law countries when considering criminal cases. In turn, the lower standard of proof – *preponderance of the evidence* – is used for civil cases.

² For example, if the amount of compensatory damages awarded to the victim is already sufficient to ensure a preventive effect, there is no need for additional award of punitive damages. The Commission did not see the need for a statutory cap on punitive damages as this would hinder the consideration of the above factors, and in the case of a wealthy defendant it would not provide an adequate preventive effect.

³ As of 2014, this standard of proof was established for claims for punitive damages in the legislation of 35 U.S. states [23, pp. 342-343].

⁴ For example, in 1985, the average amount of punitive damages in product liability cases was about \$1 million [18, pp. 4-5].

⁵ *BMW, Inc. v. Gore*, 701 So. 2d 507 (Ala. 1997).

штрафные убытки до 50 тыс. долл., что соответствовало размеру самого строгого уголовного штрафа за сходное правонарушение и соотносилось с ранее вынесенными вердиктами по аналогичным делам. Вопрос о чрезмерности штрафных убытков и поиске какого-либо критерия их соотношения (ratio) с компенсаторными убытками в последующем неоднократно поднимался в Верховном Суде США¹.

В конечном итоге инициативу проведения реформ взяли на себя законодательные органы штатов. Несколько штатов исключили взыскание штрафных убытков в принципе (Небраска, Нью-Гэмпшир) либо ограничили их случаями, прямо указанными в законе (Луизиана, Массачусетс, Вашингтон). В оставшихся – штрафные убытки подверглись определенной регламентации. Основные тренды законодательных реформ: переход от абсолютной дискреции присяжных/судей в определении размера штрафных убытков к установленным в законе параметрам; направление части присужденных штрафных убытков на общепользные цели – в бюджет соответствующего штата, специальные фонды для потерпевших, благотворительные организации [43, с. 115].

Размер штрафных убытков, как правило, ограничивается через фиксированные максимумы, кратность по отношению к компенсаторным убыткам и необходимость учета совокупности факторов (степень вины ответчика, наличие других потерпевших и пр.). В решении по делу *Gore v. BMW of North America, Inc.* Верховный Суд США указал, что невозможно установить точную пропорцию между штрафными и компенсаторными убытками, однако превышение показателя 10:1 (10 – штрафные, 1 – компенсаторные) должно вызывать сомнение в конституционности присуждаемой суммы. Таким образом, показатель 10:1 является верхним порогом штрафных убытков и служит ориентиром как для судей, так и для законодательных органов штатов. Например, в штате Колорадо штрафные убытки не могут превышать трехкратной суммы компенсаторных убытков, в штате Алабама – трехкратной суммы компенсаторных, но в любом случае не более 500 тыс. долл.

В ответ на сравнение штрафных убытков с легкими деньгами для истца некоторые штаты предусмотрели сплит-системы, то есть перечисление части штрафных убытков в бюджет либо специально созданные фонды для защиты пострадавших (например, получивших отравление асбестом). В штате Иллинойс доля штрафных убытков, которые взыскиваются в бюджет штата, определяется судьей, в штате Миссури – во всех случаях составляет 50 %, а в штате Джорджия применительно к делам о дефектной продукции – составляет 75 %. В некоторых штатах эти удержания образуют общие доходы бюджета, то есть обезличиваются, в других направляются на пополнение специальных фондов – для выплаты компенсаций пострадавшим [23, с. 345].

2. Штрафные убытки в других правовых системах

2.1. Страны континентальной Европы Критическое восприятие штрафных убытков в немецкой доктрине

В странах континентальной Европы, в частности в Германии и Австрии, институт штрафных убытков (*Strafschadenersatz*) оценивается по большей части критически. Считается, что он размывает границу между частным и публичным правом. Современное правовое регулирование договорной и деликтной ответственности направлено на возмещение вреда (убытков) потерпевшему, в то время как функцию наказания правонарушителя выполняет уголовное законодательство [21, с. 75–76; 39, с. 185, 203]. Гражданско-правовые санкции, включая возмещение убытков, не могут иметь в качестве своей цели наказание ответчика.

Такова общепринятая позиция немецкой доктрины, которая воспроизводится в ведущих комментариях к Германскому гражданскому уложению (ГГУ), учебной литературе [43, с. 106–107]. Норма параграфа 249 ГГУ о том, что при возмещении ущерба потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы соответствующее обстоятельство не наступило, не изменилась за прошедшие 100 с лишним лет и по-прежнему рассматривается как закрепляющая компенсаторную основу гражданско-правовой ответственности. По словам проф. Коциоля, предотвращение какого-либо нежелательного поведения должно обеспечиваться за счет совершенствования норм уголовного и административного права. В свою очередь частное право должно строго придерживаться того принципа, что потерпевший не может рассчитывать на случайные деньги (windfall) [26, с. 741–742]. Вместе с тем проф. Коциоль не исключает возможность наделяния некоторых общественных ассоциаций правом на предъявление исков в интересах потерпевших о взыскании штрафных убытков и перечислении взысканных сумм в пользу публично-правовых образований, социальных фондов и т. п. [26, с. 762].

В свою очередь сторонники штрафных убытков справедливо отмечают, что в законодательстве Германии есть примеры санкций, который могут иметь сверхкомпенсационный (штрафной) эффект. Во-первых, это всем известный институт компенсации морального вреда, при расчете которой учитываются не только причиненные потерпевшему страдания, но и характер поведения ответчика, кратность посягательств, степень вины и пр. В пояснениях (*Motive*) к ГГУ отмечалось, что денежная компенсация за боль и страдания является своеобразным исключением из общего правила (компенсаторного принципа гражданской ответственности)², применение

2. Punitive Damages in Other Jurisdictions

2.1. Continental Europe Critical perception of punitive damages in German doctrine

In the countries of continental Europe, in particular, in Germany and Austria, the institution of punitive damages (*Strafschadenersatz*) is, for the most part, assessed critically. It is believed that it blurs the line between private and public law. Modern legal regulation of contractual and tort liability is aimed at compensating the victim for damage (losses), while criminal legislation performs the function of punishing the offender [21, pp. 75-76; 39, pp. 185, 203]. Civil law sanctions, including compensation for losses, cannot have as their purpose the punishment of the defendant.

This is the generally accepted position of the German doctrine, which is reproduced in leading commentaries on the German Civil Code (BGB) and in educational literature [43, pp. 106-107]. The provision of § 249 of the BGB stating that, when compensating for damage, the victim should be placed in the position in which he would have been if the relevant circumstance had not occurred, has not changed over the past 100 years and is still considered as establishing the compensatory basis of civil liability. According to Prof. Koziol, the prevention of any undesirable behavior should be ensured by improving the provisions of criminal and administrative law. In turn, private law must strictly adhere to the principle that the victim cannot rely on windfall [26, pp. 741-742]. At the same time, Prof. Koziol does not exclude the possibility of granting certain public associations the right to file lawsuits in the interests of victims for the recovery of punitive damages and to transfer the recovered amounts to public legal entities, social funds, etc. [26, p. 762].

In turn, proponents of punitive damages rightly point out that there are examples of sanctions in German law that can have an overcompensating (punitive) effect. Firstly, it is the well-known institution of compensation for moral harm, in calculating which not only the suffering caused to the victim is taken into account but also the nature of the defendant's behavior, the frequency of violations, the degree of guilt, etc. In the explanations (*Motive*) to the BGB, it was noted that monetary compensation for pain and suffering was a kind of exception to the general rule (the compensatory principle of civil responsibility²), and the use of

damages to \$50,000, which corresponded to the size of the most severe criminal fine for a similar offense and correlated with previous verdicts in similar cases. The question of the excessiveness of punitive damages and of the search for any criteria for establishing the ratio between them and compensatory damages was raised repeatedly in the U.S. Supreme Court¹.

Ultimately, the legislative bodies of the states took the initiative in carrying out the reforms. Several states excluded the awarding of punitive damages in principle (Nebraska, New Hampshire), or limited them to cases explicitly specified by the law (Louisiana, Massachusetts, Washington). In the remaining states, punitive damages were subjected to certain regulation. The main trends in the legislative reforms were as follows: a shift from the absolute discretion of juries/judges in determining the amount of punitive damages to parameters established by the law; the transfer of part of the awarded punitive damages to be used for socially beneficial purposes – through the budget of the relevant state, special funds for victims, charitable organizations [43, p. 115].

The amount of punitive damages is usually limited by fixed caps, multiplicity in relation to compensatory damages, and a set of factors to be taken into account (the degree of guilt of the defendant, the presence of other victims, etc.). In its decision in the case of *Gore v. BMW of North America, Inc.*, the U.S. Supreme Court pointed out that it was impossible to establish the exact ratio between punitive and compensatory damages; however, the ratio exceeding 10:1 (where 10 represents compensatory damages and 1 represents punitive ones) should raise doubts about the constitutionality of the amount awarded. Thus, the 10:1 ratio serves as the upper threshold for punitive damages and acts as a guideline for both judges and state legislatures. For example, in Colorado punitive damages cannot exceed 3 times the amount of compensatory damages, in Alabama they cannot exceed 3 times the amount of compensatory damages, but in any case, they cannot be more than \$500,000.

In response to the comparison of punitive damages with easy money for the plaintiff, some states have introduced split systems, which means that part of punitive damages is transferred to the budget or to special funds created to protect victims (for example, those suffering from asbestos poisoning). In Illinois the share of punitive damages collected to the budget of the state is determined by the judge; in Missouri the share of such damages is 50% in all cases; in Georgia the share of such ones in cases of defective products is 75%. In some states, these deductions constitute general budget revenues, i.e., they are depersonalized; in others states, they are transferred to replenish special funds – for compensation payments to victims [23, p. 345].

¹ См., например: *Philip Morris USA v. Williams* (2007); *Exxon Shipping Co. v. Baker* (2008).

² Motive zu dem Entwurfe eines Buergerlichen Gesetzbuches fuer das Deutsche Reich (BGB 1896), § 728 at 799.

¹ See, for example: *Philip Morris USA v. Williams* (2007); *Exxon Shipping Co. v. Baker* (2008).

² Motive zu dem Entwurfe eines Buergerlichen Gesetzbuches fuer das Deutsche Reich (BGB 1896), § 728 at 799.

данного способа защиты ограничено прямо указанными в законе случаями (§ 253 ГГУ). Во-вторых, часто ссылаются на ранее действовавшее положение параграфа 611-а ГГУ, устанавливающее запрет дискриминации при приеме на работу и санкцию за его нарушение: если работник не был принят на работу вследствие дискриминационного поведения работодателя, последний обязан был выплатить возмещение в пределах трехмесячного заработка, который мог бы получить соискатель работы¹. В-третьих, немецкое законодательство об интеллектуальной собственности, как правило, наделяет правообладателя возможностью выбора способов защиты – взыскать убытки, либо извлеченный ответчиком за счет неправомерных действий доход, либо возможный лицензионный сбор (в случае гипотетического соглашения с правообладателем). В последних двух случаях санкции не являются чисто компенсаторными.

Федеральный Верховный Суд Германии (Bundesgerichtshof, BGH) в 1992 году при рассмотрении вопроса об исполнимости решения суда Калифорнии в части взыскания штрафных убытков подтвердил сложившийся в доктрине негативный подход: в принудительном исполнении решения было отказано со ссылкой на его противоречие публичному порядку и чрезмерный размер штрафных убытков². В то же время в решении было отмечено, что штрафные убытки не могут рассматриваться как наказание в узком смысле слова (публичная санкция), поскольку присуждаются частному лицу³. Некоторые эксперты предполагают, что в условиях всё большей интернационализации позиция BGH в отношении исполнимости решений судов США о взыскании штрафных убытков может смягчиться, по крайней мере в случаях, когда сумма штрафных убытков не является слишком высокой [43, с. 160–161]. Другие, напротив, делают пессимистические прогнозы на этот счет,

указывая в качестве одной из причин то обстоятельство, что США до настоящего времени не ратифицировали Гаагскую Конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым спорам (2019)⁴ [40, с. 149–150].

Штрафные убытки в законопроектах Франции по вопросам деликтной ответственности

В законодательстве Франции встречаются примеры частноправовых штрафов⁵. Поэтому совсем не удивительно, что штрафные убытки (*réparation exemplaire*) неоднократно включались в законопроекты по реформированию деликтного права: проект о внесении изменений в статью 1371 ФГК (Catala Draft, 2005), проект дополнения ФГК статьей 1386-25 (Béteille Proposal, 2010), проект Закона о деликтной ответственности (Terré Tort Draft, 2011). Законопроекты имели отличия в части сферы применения штрафных убытков, фигуры выгодополучателя и необходимости верхних значений штрафа, однако их разработчики были солидарны в том, что потребность в данной санкции существует. В качестве возможных оснований для присуждения штрафных убытков рассматривались умышленные посягательства (*faute délictuelle volontaire*) на личные права, а также намерение извлечь выгоду из правонарушения (*fautes lucratives*) [29, с. 259–276]. И хотя ни один из законопроектов не был реализован в части положений о штрафных убытках⁶, исследуемый институт всё еще обсуждается в доктрине как перспективный.

В свою очередь Кассационный суд Франции, отказывая в 2010 году в принудительном исполнении решения Верховного Суда Калифорнии в части взыскания штрафных убытков в размере 1,46 млн долл. США (по делу *Cornelison v. Chaney & Jaguars Cars*), указал, что хотя подобные убытки и не противостоят публичному порядку Франции, однако их

this means of protection was limited to cases explicitly specified in the law (§ 253 BGB). Secondly, proponents of punitive damages often refer to the previously effective provision of § 611-a of the BGB, which established a prohibition on discrimination in hiring and a sanction for its violation: if an employee was not hired due to the discriminatory behavior of the employer, the latter was obliged to pay compensation within the amount of 3-month salary that the job applicant could have received¹. Thirdly, German intellectual property law generally gives the right holder the option to choose the means of protection – to recover losses, or to recover the income obtained by the defendant through unlawful actions, or to receive a license fee (in the case of a hypothetical agreement with the right holder). In the last two cases, the sanctions are not purely compensatory.

In 1992, the Federal Supreme Court of Germany (Bundesgerichtshof, BGH), when considering the enforceability of the California court's decision regarding the recovery of punitive damages, upheld the negative approach established in the doctrine: enforcement of the decision was denied as contradicting public policy and establishing an excessive amount of punitive damages². At the same time, it was noted in the decision that punitive damages could not be considered as punishment in the strict sense (as a public sanction) since they were awarded to a private person³. Some researchers suggest that in the context of increasing internationalization, the BGH's position regarding the enforceability of the U.S. courts' judgments on the recovery of punitive damages can soften, at least in cases where the amount of punitive damages is not too high [43, pp. 160-161]. Others, on the contrary, make pessimistic forecasts in this regard, pointing out as one of

the reasons that the USA has not yet ratified the Hague Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters (2019)⁴ [40, pp. 149-150].

Punitive damages in French draft laws on tort liability

There are examples of private law fines in French legislation⁵. It is therefore not surprising that punitive damages (*réparation exemplaire*) have repeatedly been included in draft laws on the reform of tort law: the draft amending article 1371 of the French Civil Code (Catala Draft, 2005), the draft supplementing the French Civil Code with Article 1386-25 (Béteille Proposal, 2010), the draft Tort Liability Law (Terré Tort Draft, 2011). The draft laws differed in terms of the scope of application of punitive damages, the figure of the beneficiary, and the position on the need to establish the ceiling on the fines, but the drafters were unanimous in the viewpoint that this sanction was needed. As possible grounds for awarding punitive damages there were considered intentional infringement (*faute délictuelle volontaire*) on personal rights as well as the intention to obtain a benefit from an offense (*fautes lucratives*) [29, pp. 259-276]. Although none of the draft laws has been implemented regarding the provisions on punitive damages⁶, this institution is still being discussed in the doctrine as promising.

In turn, the French Court of Cassation in 2010 refused to enforce the decision of the Supreme Court of California regarding the recovery of punitive damages in the amount of \$1.46 million (in the case of *Cornelison v. Chaney & Jaguars Cars*) and stated that, although such damages did not contradict the public policy of France, their amount

¹ «Потолок» в виде трехмесячного заработка был исключен из текста ГГУ, но лишь по той причине, что Европейский суд правосудия (ECJ) посчитал его недостаточным стимулом для недобросовестных работодателей.

² Решением суда штата Калифорния в пользу истицы, подвергшейся сексуальному домогательству, были взысканы убытки в общей сложности 750 тыс. долл., из которых 150 тыс. долл. – в счет возмещения медицинских расходов, 200 тыс. долл. – в качестве компенсации за боль и страдания, оставшиеся 400 тыс. – штрафные убытки. Немецкий суд 1-й инстанции признал исполнимость указанного решения в полном объеме, суд апелляционной инстанции ограничил взыскание штрафных убытков суммой в 55 тыс. долл., а BGH и вовсе отказал в исполнимости решения в части взыскания штрафных убытков.

³ BGHZ 118, 312.

⁴ Convention of 2 July 2019 on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters (Hague). Конвенцию ратифицировали 27 государств – членов Евросоюза, а также Великобритания (в отношении Англии и Уэльса).

⁵ Например, в соответствии со статьей L. 442-4 Торгового кодекса Франции (Code de commerce) лицо, которое использует запрещенные законом деловые практики в отношениях с контрагентами, может быть присуждено к уплате гражданского штрафа (amende civile) в размере до 5 млн евро или трехкратной суммы дохода, извлеченного неправомерным путем. Текст кодекса (фр.). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000038414263.

⁶ Примечательно, что институт штрафных убытков оказался востребованным во франкоязычной провинции Квебек (Канада), правовая система которой близка континентальному праву. Нормы о штрафных убытках содержатся в Хартии основных прав и свобод (1975), Гражданском кодексе (1991), Законе о защите потребителей. В соответствии со ст. 1621 Гражданского кодекса штрафные убытки присуждаются в случаях, прямо предусмотренных законом, при этом они не должны превышать величину, достаточную для выполнения превентивной функции. Чаще всего штрафные убытки присуждаются в контексте исков о защите прав потребителей: *Karine, v. Audi Canada Inc.* (2021); *Dollarama, Rona inc. and Lowe's, Metro inc., Costco, Giant Tiger, etc.* (2022). На сайте Службы по защите прав потребителей (<https://www.opc.gouv.qc.ca/en/consumer/punitive-damages/>) приведены примеры соответствующих судебных решений; в среднем штрафные убытки составляют около 1–2 тыс. канадских долларов.

¹ The 3-month-salary cap was removed from the text of the BGB, but only because the European Court of Justice (ECJ) considered it an insufficient incentive for unscrupulous employers.

² The Court of California awarded damages totaling \$750,000 to the plaintiff, who was sexually harassed. Of this sum, \$150,000 was collected as compensation for medical expenses, \$200,000 – as compensation for pain and suffering, and the remaining 400,000 – as punitive damages. The German court of first instance recognized the enforceability of the said decision in full; the appellate court limited the recovery of punitive damages to \$55,000, and the BGH completely denied the enforceability of the decision regarding the recovery of punitive damages.

³ BGHZ 118, 312.

⁴ Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters (Hague, 2 July 2019). The Convention has been ratified by 27 EU member States, as well as the United Kingdom (with regard to England and Wales).

⁵ For example, in accordance with article L. 442-4 of the French Commercial Code (Code de commerce), a person who uses legally prohibited business practices in relations with counterparties may be awarded a civil fine (amende civile) in the amount of up to € 5 million or 3 times the amount of income unlawfully obtained. The text of the Code (Fr.). Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000038414263.

⁶ It is noteworthy that the concept of punitive damages has been adopted in the French-speaking province of Quebec (Canada), whose legal system is close to continental law. Provisions on punitive damages are contained in the Charter of Human Rights and Freedoms (1975), the Civil Code (1991), and the Consumer Protection Act. According to Article 1621 of the Civil Code, punitive damages are awarded in cases explicitly provided for by law and must not exceed an amount sufficient to perform a preventive function. Punitive damages are most often awarded in the context of consumer protection lawsuits: see, for example, the *Karine v. Audi Canada Inc.* (2021); *Dollarama, Rona inc. and Lowe's, Metro inc., Costco, Giant Tiger, etc.* (2022). The website of the Consumer Protection Service (<https://www.opc.gouv.qc.ca/en/consumer/punitive-damages/>) provides examples of relevant court decisions; on average, punitive damages amount to about 1-2 thousand Canadian dollars.

сумма явно не пропорциональна реальным потерям потерпевшего¹.

Суды еще ряда стран ЕС (Испания, Греция) также придерживаются тезиса о том, что сами по себе штрафные убытки не противоречат их публичному порядку [13], однако в принудительном исполнении решения может быть отказано в случае чрезмерности взыскиваемой суммы².

Штрафные убытки в законодательстве ЕС и модельных актах частного права

Законодательство ЕС и модельные акты частного права (DCFR, PETL) не содержат явно выраженного запрета³ на применение санкций типа *punitive damages*, более того, предоставляют судьям определенную дискрецию в данном вопросе. В частности, пункт 32 Директивы ЕС № 864/2007 (Rome II) о праве, применимом к внедоговорным обязательствам⁴, допускает возможность для суда со ссылкой на противоречие публичному порядку или императивным нормам отказать в применении норм другого государства, предусматривающих взыскание сверхкомпенсационных санкций (non-compensatory exemplary or punitive damages) в явно избыточном размере. Иными словами, судебные решения о взыскании штрафных убытков не являются автоматически противоречащими публичному порядку. Исключается принудительное взыскание чрезмерных сумм. Этот (избирательный) подход, по мнению некоторых ученых, может со временем распространиться за пределы собственно вопросов выбора применимого права [30, с. 10–11].

2.2. Страны Азии

В *Китае* понятия «возмещение» и «компенсация», обозначающие действия должника, которые обеспечиваются государственным принуждением, определяются с помощью термина “賠償, péicháng”. Несмотря на использование единого термина, в конкретных случаях и в паре с дополнительными словами эти понятия приобретают принципиальные различия. Например, “損失賠償, sǔnshī péicháng” и “損害賠償, sǔnhài péicháng” означают соответственно «возмещение убытков» и «возмещение вреда».

Китайский институт штрафных убытков – “懲罰性賠償, chéngfáxìng péicháng” – означает не их возмещение, а выплату «штрафной компенсации» [5, с. 46, 290, 296, 303]. Перевод указанного института

как компенсации обусловлен следующими причинами. В китайском праве убытки включают ущерб, ликвидация которого означает восстановление имущественной сферы потерпевшего (кредитора). Компенсация, в отличие от возмещения убытков, применяется в случаях, когда объект нарушенных прав невозможно подвергнуть денежной оценке либо трудно установить такую оценку. Компенсация также используется в иных случаях, в частности, когда гражданское право выполняет функцию защиты слабых участников правоотношений. Очевидно, что компенсация может как превысить сумму убытков, так и, наоборот, не достичь их действительного размера. В отличие от своих коллег из стран Содружества, китайские ученые, например проф. Ван Лимин [48, с. 112–113], подчеркивают не столько превентивную функцию штрафной компенсации, сколько ее компенсаторный характер. Указанное свойство штрафной компенсации в законодательстве КНР отмечают и иностранные исследователи [24, с. 529].

Штрафная компенсация имеет относительно долгую историю в законодательстве КНР. Впервые норма о такой компенсации появилась в статье 47 Закона КНР «О деликтной ответственности» (2009). На изготовителя или продавца, осведомленных о недостатках товара и тем не менее продолжающих их производство или реализацию, в случае если вследствие недостатков был причинен вред жизни или существенный вред здоровью гражданина, могло быть наложено соответствующее денежное взыскание. В 2013 году аналогичная норма, но имеющая в качестве адресата ответственности лишь продавца, появилась в части 2 статьи 55 Закона КНР «О защите прав и интересов потребителей» (1993).

В дальнейшем рассматриваемая норма была перенесена из Закона о деликтной ответственности в статью 1207 Гражданского кодекса КНР (2020)⁵. В раздел 7 Кодекса, посвященный деликтной ответственности, были включены еще две нормы о взыскании штрафной компенсации: при нанесении вреда окружающей среде, при нарушении интеллектуальных прав. В первом случае основанием для присуждения штрафной компенсации являются умышленные противоправные действия делинквента, повлекшие существенные негативные последствия для окружающей среды (ст. 1232). Во втором случае должно иметь место существенное умышленное нарушение интеллектуальных прав потерпевшего при отягчающих обстоятельствах (ст. 1185). Аналогичные нормы, направленные на защиту субъектов авторских и

was clearly disproportionate to the real losses suffered by the victim¹.

The courts of other EU countries (for example, Spain, Greece) also adhere to the thesis that punitive damages in themselves do not contradict their public policy [13], however, enforcement of the decision may be denied if the amount claimed is excessive².

Punitive damages in the EU legislation and model acts of private law

The EU legislation and private law model acts (DCFR, PETL) do not explicitly prohibit³ the use of punitive damages; moreover, they provide judges with a certain discretion in this matter. In particular, Article 32 of EU Directive No. 864/2007 (Rome II) on the law applicable to non-contractual obligations⁴ allows courts, on the grounds of contradiction to public policy or imperative norms, to refuse to apply the provisions of another state that establish the recovery of over-compensatory damages (non-compensatory exemplary or punitive damages) in an obviously excessive amount. In other words, judgements on the recovery of punitive damages are not automatically contrary to public policy. It is forced recovery of excessive amounts that is excluded. According to certain researchers, this (selective) approach may over time extend beyond questions of choice of applicable law [30, pp. 10–11].

2.2. Asian Countries

In *China*, any concepts of ‘compensation’ that denote the actions of the debtor secured by state coercion are defined using the term 賠償, *peichang*. Despite using this single term, in specific cases and when paired with additional words, these concepts acquire fundamental differences. For example, concepts 損失賠償 · *sǔnshī péicháng* and 損害賠償 · *sǔnhài péicháng* mean ‘compensation for losses’ and ‘compensation for harm’ respectively.

The Chinese concept of punitive damages – 懲罰性賠償, *chéngfáxìng péicháng* means the payment of ‘punitive compensation’ [5, pp. 46, 290, 296, 303]. The translation of this concept as compensation is due to the following reasons. In Chinese law, compensation for

damages (losses) includes compensation for harm, the liquidation of which means the reinstating of the property sphere of the victim (creditor). Compensation, unlike compensation for damages (losses), is applied in cases where the object of violated rights cannot be monetarily valued or it is difficult to determine such a value. Compensation is also used in other cases, in particular, where civil law serves the function of protecting the weak participants in legal relations. Obviously, compensation can either exceed the amount of losses or, conversely, fall short of their actual amount. Chinese scientists (for example, Prof. Wang Liming [48, pp. 112–113]), unlike their colleagues from Commonwealth countries, emphasize not so much the preventive function of punitive damages as their compensatory nature. This characteristic of punitive compensation in Chinese law is also noted by foreign researchers [24, p. 529].

Punitive compensation has a relatively long history in Chinese law. For the first time, a provision on such compensation appeared in Article 47 of the Tort Liability Law of the People's Republic of China (2009). A corresponding monetary penalty could be imposed on the manufacturer or seller who was aware of the defects of the product and, nevertheless, continued its production or sale, in the event that the defects caused harm to the life or significant harm to the health of a citizen. In 2013, a similar provision, but targeting responsibility solely at the seller, appeared in Part 2 of Article 55 of the Law of the People's Republic of China on Protecting Consumers' Rights and Interests (1993).

Subsequently, the provision in question was moved from the Tort Liability Law to Article 1207 of the Civil Code of the People's Republic of China (2020)⁵. Section 7 of the Code, regulating tort liability, was supplemented with two additional provisions on the recovery of punitive damages: for environmental harm and for infringement of intellectual property rights. In the first case, the basis for awarding punitive damages is intentional unlawful actions of the delinquent that have led to significant negative consequences for the environment (Article 1232). In the second case, there must be a significant intentional violation of the victim's intellectual rights under aggravating circumstances (Article 1185). Similar provisions aimed at protecting holders of copyright and

¹ Cass. 1e civ., 1 décembre 2010, n° 09–13303, (Eoux X – Rejet pourvoi c/CA Poitiers, 26 février 2009). Текст (фр.). URL: www.legifrance.fr.

² См., напр.: *Miller Import Corp. v. Alabastres Alfredo*, S.L., STS, 13 November 2001 (Exequátur No. 2039/1999) (Spain)

³ Косвенно на недопустимость *punitive damages* указывает определение убытков в ст. 10:101 PETL – денежная выплата, направленная на компенсацию потерь потерпевшего и восстановление его имущественной сферы в исходное состояние, существовавшее до нарушения права.

⁴ Regulation (EC) No 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II).

⁵ С 1 января 2021 г., в связи с введением в действие ГК КНР, Закон о деликтной ответственности утратил силу.

¹ Cass. 1e civ., 1 décembre 2010, n° 09–13303, (Eoux X – Rejet pourvoi c/CA Poitiers, 26 février 2009). Text (Fr.). Available at: www.legifrance.fr.

² See, for example: *Miller Import Corp. v. Alabastres Alfredo*, S.L., STS, November 13, 2001 (Exequátur No. 2039/1999) (Sp).

³ Indirectly, the definition of punitive damages in Art. 10:101 PETL indicates their inadmissibility. Compensation for losses is a monetary payment aimed at compensating the victim's losses and reinstating his property situation that existed before the violation of the right.

⁴ Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II).

⁵ The Tort Liability Law was repealed from January 1, 2021 due to the entry into force of the Civil Code of the People's Republic of China.

патентных прав, были включены в ноябре и октябре 2020 года соответственно в Закон КНР «Об авторском праве» от 07.09.1990 и Закон КНР «О патентах» от 12.03.1984, с той лишь оговоркой, что для описания формы гражданско-правовой ответственности законодатель использовал термин «компенсация» 赔偿 (péicháng), а не «штрафная компенсация» 惩罚性赔偿. Указанные законы уточняют размер компенсации за нарушение авторского, патентного права и смежных прав. Она может составлять от двукратной до пятикратной суммы убытков, понесенных вследствие нарушения исключительного права.

Такая же компенсация 赔偿 (péicháng) (без прилагательного «штрафная») и в таком же размере, от двукратной до пятикратной суммы убытков, предусмотрена Законом КНР «О товарных знаках» от 23.08.1982 и Законом КНР «О противодействии недобросовестной конкуренции» 02.09.1993 применительно к нарушениям исключительного права на товарный знак и режима коммерческой тайны соответственно. Условием взыскания компенсации 赔偿 (péicháng) в указанных случаях является необходимость доказывания потерпевшим злонамеренного нарушения со стороны делинквента. В то же время в соответствии с ГК КНР, Законом об авторском праве и Законом о патентах потерпевшему достаточно доказать лишь умышленный характер нарушения авторского, смежного или патентного права. Полагаем, что обозначенная коллизия должна разрешаться в пользу специальных законов. Злонамеренный характер нарушения, в отличие от умысла, проявляется, в частности, во множественности нарушений, в совершении нарушения после вынесенного предупреждения.

Компенсация 赔偿 (péicháng), повторяющая признаки штрафной компенсации 惩罚性赔偿, присуждается и в иных случаях, предусмотренных законом [22, с. 351–352]. Например, согласно статье 70 Закона КНР «О туризме» от 25.04.2013 компенсация в размере от двукратной до трехкратной стоимости туристического продукта может быть взыскана в следующих случаях: причинение вреда здоровью туриста; одностороннее, в отсутствие соответствующей договоренности, оставление туриста в месте временного пребывания; другие существенные негативные последствия для туриста. В юридической литературе [46] и в судебной практике¹ компенсация 赔偿 (péicháng), сходная со штрафной компенсацией, может именоваться законной компенсацией (法定赔偿, fǎdìng péicháng).

В случаях, предусмотренных законом, поведение делинквента может повлечь взыскание не

только штрафной компенсации, но и дополнительной компенсации “增加赔偿 · zēngjiā péicháng”. Некоторые авторы приравнивают дополнительную компенсацию к штрафной [49, с. 14]. Данная компенсация впервые была упомянута в первоначальной редакции Закона КНР «О защите прав и интересов потребителей» (ст. 49) с целью наказания хозяйствующих субъектов, допускающих обман потребителей при продаже товаров или оказании услуг, и могла взыскиваться в размере двукратной стоимости товаров или услуг. В 2013 году норма о дополнительной компенсации была перенесена в часть 1 статьи 55 Закона «О защите прав и интересов потребителей», при этом максимальный размер компенсации был поднят до трехкратной стоимости товаров, а минимум установлен в сумме 500 юаней. Хотя с 2013 года Закон упоминает штрафную компенсацию 惩罚性赔偿 и дополнительную компенсацию 增加赔偿, их одновременное взыскание не допускается.

Дополнительная компенсация 增加赔偿 также известна Закону КНР «О безопасности продуктов питания» от 28.02.2009. Потерпевшие вправе требовать ее выплаты в размере, не превышающем десятикратной стоимости товара либо не превышающем трехкратной суммы убытков. При этом ее минимальный размер составляет 1000 юаней. Основанием для выплаты компенсации является производство продуктов питания, не соответствующих стандартам качества, либо продажа такого товара, если продавцу заведомо известно о его несоответствии указанным стандартам.

Условием присуждения дополнительной компенсации является исключительно умышленная вина делинквента (в отличие от штрафной компенсации), что подтверждается судебной практикой КНР [47, с. 104]. Кроме того, круг бенефициаров штрафной компенсации шире и включает в себя не только потребителей, но и коммерсантов и правообладателей интеллектуальных прав.

Общими чертами штрафной и дополнительной компенсаций является совокупность критериев, которые учитывают китайские судьи при определении размера присуждаемой суммы: форма и степень вины ответчика и его материальное положение (чтобы исключить риск банкротства); негативный эффект действий ответчика для соответствующей социальной группы; объем извлеченного ответчиком дохода; факт применения к ответчику за те же действия уголовного и административного наказаний [33, с. 47; 44, с. 8].

Сходство системы карательных компенсаций в Китае и штрафных убытков в странах общего права заключается в их производном от возмещения

patent rights were included in November and October 2020, respectively, in the Copyright Law of the People's Republic of China (1990) and the Patent Law of the People's Republic of China (1984), with the only difference being that the legislator used the term ‘compensation’ 赔偿 (péicháng), and not ‘punitive compensation’ 惩罚性赔偿. These laws clarify the amount of compensation for infringement of copyright, patent rights, and related rights. It can amount to between two to five times the amount of losses incurred as a result of a violation of the intellectual property right.

The same compensation 赔偿 (péicháng) (without the adjective ‘punitive’) and in the same amount (between twice to five times of the losses) is established by the Trademark Law of the People's Republic of China (1982) and the Law of the People's Republic of China Against Unfair Competition (1993) in relation to violations of the exclusive right to a trademark and the trade secret regime respectively. The condition for recovering compensation 赔偿 (péicháng) in these cases is that the victim has to prove malicious violation of the delinquent. Meanwhile, in accordance with the Chinese Civil Code, the Copyright Law and the Patent Law, it is sufficient for the victim to prove only the intentional violation of copyright, related rights, or patent rights. We think that the indicated conflict should be resolved in favor of special laws. A malicious violation, in contrast to intent, is manifested, in particular, in the multiplicity of violations, in the commission of a violation after a warning has been issued.

Compensation 赔偿 (péicháng) that bears the characteristics of punitive compensation 惩罚性赔偿 is also awarded in other cases provided for by law [22, pp. 351-352]. For example, according to Article 70 of the Tourism Law of the People's Republic of China (2013), compensation in the amount between twice to five times of the cost of a tourist product can be recovered in the following cases: harm caused to the health of a tourist; unilateral (in the absence of an appropriate agreement) leaving of a tourist at a temporary place of stay; other significant negative consequences for the tourist. In legal literature [46] and in judicial practice¹, compensation 赔偿 (péicháng) similar to punitive compensation can be referred to as statutory compensation (法定赔偿, fǎdìng péicháng).

In cases provided for by law, the delinquent's conduct can lead not only to punitive compensation but also

to additional compensation ‘增加赔偿, zēngjiā péicháng’. Certain authors equate these two [49, p. 14]. This additional compensation was first mentioned in the original version of the Law of the People's Republic of China on the Protection of Consumer Rights and Interests (Article 49) as aimed at punishing business entities that deceived consumers in the sale of goods or provision of services, and it could be claimed in the amount equal to twice the cost of the goods or services. In 2013, the provision on additional compensation was moved to Part 1 of Article 55 of the Law 'On the Protection of Consumer Rights and Interests', with the maximum compensation increased to 3 times the cost of the goods and the minimum set at 500 yuan. Although starting from 2013 the Law mentions punitive compensation 惩罚性赔偿 and additional compensation 增加赔偿, their simultaneous recovery is not permitted.

Additional compensation 增加赔偿 is also provided for by the Food Safety Law of the People's Republic of China (2009). The victims have the right to demand its payment in an amount not exceeding 10 times the cost of the goods or not exceeding 3 times the amount of losses. Its minimum amount is 1,000 yuan. Compensation is payable for the production of food products that do not meet quality standards, or for the sale of such products if the seller is aware of their non-compliance with the standards.

The condition for awarding additional compensation is solely the intentional guilt of the delinquent (as opposed to the case of punitive compensation), as confirmed by the judicial practice of the PRC [47, p. 104]. The range of beneficiaries of punitive compensation is broader and includes not only consumers but also merchants and intellectual property rights holders.

The common features of punitive and additional compensation are the set of criteria that Chinese judges take into account when determining the amount to be awarded: the form and degree of guilt of the defendant and his financial situation (to eliminate the risk of his going bankrupt); the negative effect of the defendant's actions on the relevant social group; the amount of income obtained by the defendant; the fact that criminal and administrative penalties have been applied to the defendant for the same actions [33, p. 47; 44, p. 8].

The similarity between the system of punitive compensation in China and punitive damages in common law countries lies in their nature derived

¹ 参见2020年4月23日的《北京市高级人民法院关于侵害知识产权及不正当竞争案件确定损害赔偿的指导意见及法定赔偿的裁判标准（一）》。

¹ 参见2020年4月23日的《北京市高级人民法院关于侵害知识产权及不正当竞争案件确定损害赔偿的指导意见及法定赔偿的裁判标准（一）》。

компенсаторных убытков характере. Вместе с тем китайская цивилистическая доктрина и правоприменительная практика допускают взыскание штрафной компенсации и в качестве удовлетворения основного требования – в случае защиты общественных интересов. Так, в деле *Guangdong Provincial Consumer Association v. Shi Weiqing & Hong Shaowen* истец в интересах неопределенного круга лиц просил обязать ответчиков принести публичные извинения и выплатить штрафную компенсацию в связи с установленными в приговоре суда по другому делу фактами продажи поддельной соли и несоответствия содержания йода в соли требованиям национального стандарта. Суд согласился с исковыми требованиями. Однако при этом указал, что штрафная компенсация подлежит зачету в счет штрафа как уголовного наказания, который был назначен обоим ответчикам по приговору. Также суд отметил, что штрафная компенсация, заявляемая в общественных интересах, должна зачисляться в бюджет¹. В решении по делу *People's Procuratorate of Wuxi City v. Chen* суд указал, что взысканные с ответчика штрафные убытки подлежат перечислению в пользу соответствующего фонда социальной защиты потребителей, а при отсутствии такового – в бюджет [44, с. 11]. Практика присуждения штрафных убытков в пользу пострадавшей социальной группы, то есть обезличенно, – это своеобразный ответ на критику о том, что штрафные убытки приводят к обогащению потерпевших.

Суды КНР всё еще с осторожностью присуждают штрафную и дополнительную компенсацию [45, с. 144–145], однако статистика заявления потерпевшими соответствующих требований растет из года в год: 98 в 2015, 172 в 2016, 479 в 2017 и т. д. [22, с. 353].

Концепция *punitive damages* была использована законодателем **Южной Кореи** при обновлении Закона об ответственности за дефектную продукцию. Основанием для взыскания штрафных убытков являются злонамеренные действия изготовителя дефектной продукции, например, осознанный выпуск в обращение продукции, не соответствующей требованиям безопасности. Размер штрафных убытков может составлять до трехкратной величины компенсаторных убытков, что, по мнению корейских ученых, явно недостаточно для обеспечения должного превентивного эффекта [25, с. 2]. Конструкция штрафных убытков используется и в других законах Южной Кореи.

Нельзя не упомянуть и Гражданский кодекс **Филиппин** (1949), который уже с момента своего принятия содержал подробную регламентацию штрафных убытков². Штрафные убытки (*exemplary or*

corrective damages) могут быть присуждены истцу дополнительно к компенсации морального вреда, ликвидационным или компенсаторным убыткам, при этом выполняют функции общественного порицания и превенции (ст. 2229). Штрафные убытки не являются способом реализации/защиты субъективного права истца, поскольку лишь суд определяет, имеются ли основания для их присуждения (ст. 2233). Условия взыскания штрафных убытков зависят от контекста спора: в случае преступления необходимы отягчающие обстоятельства (ст. 2230), в иных деликтах – грубая неосторожность со стороны ответчика (ст. 2231), в договорных и квазидоговорных спорах – обман, злонамеренное или явно безответственное поведение (ст. 2232)³. Практика присуждения штрафных убытков в Филиппинах достаточно обширна. Суды мотивируют вывод о взыскании штрафных убытков необходимостью пресечения распространенных правонарушений, поддержания социальной справедливости. Какие-либо максимальные значения штрафных убытков законом не установлены, однако в соответствии с практикой Верховного Суда Филиппин сумма должна быть разумной и достаточной для оказания превентивного эффекта⁴.

3. Перспективы имплементации штрафных убытков в российское право

3.1. Штрафные (сверхкомпенсационные) санкции в гражданском законодательстве РФ: общий обзор

В отечественной литературе штрафные (сверхкомпенсационные) санкции, а также их отрицательные аспекты стали предметом обсуждения относительно недавно [3, с. 19–52; 6, с. 128–139; 9, с. 68–110; 12, с. 59–64]. В целом российская доктрина, подобно немецкой и австрийской, также исходит из компенсационной направленности мер гражданско-правовой ответственности [2, с. 611; 7, с. 217; 11, с. 234], что находит соответствующее отражение в законодательстве (ст. 15, ст. 1064 ГК РФ). При этом наблюдается более гибкое отношение к тому, что гражданско-правовые санкции могут выполнять и другие функции – наказания, специальной и общей превенции [1, с. 56–58]. Появление в гражданском законодательстве штрафных санкций российские ученые объясняют теми же причинами, что и их зарубежные коллеги: затруднительностью доказывания убытков при нарушении некоторых прав (личных немущественных, исключительных), потребностью в повышенной защите слабой стороны (потребителя,

from compensatory damages. At the same time, Chinese civil law doctrine and law enforcement practice also allow for the recovery of punitive compensation as satisfaction of the main claim in the case of protection of public interests. For example, in the case of *Guangdong Provincial Consumer Association v. Shi Weiqing & Hong Shaowen*, the plaintiff, on behalf of an indefinite number of people, requested that the defendants be ordered to make a public apology and pay punitive compensation in connection with the facts established in the court's sentence in another case regarding the sale of counterfeit salt and the iodine content in the salt not meeting the national standard. The court agreed with the claim. However, it noted that the fine as a criminal punishment that was imposed on both defendants by the sentence, ought to count for punitive compensation. The court also noted that punitive compensation claimed in the public interest should be transferred to the budget¹. In the decision in the case of *People's Procuratorate of Wuxi City v. Chen*, the court indicated that punitive damages recovered from the defendant were to be transferred to the relevant consumer protection fund, and in the absence of such a fund – to the budget [44, p. 11]. The practice of awarding punitive damages in favor of the harmed social group, i.e. in a depersonalized manner, is a kind of response to criticism that punitive damages lead to the enrichment of victims.

The courts of the PRC still award punitive and additional compensation with caution [45, pp. 144-145]; however, the statistics of victims' claims are growing from year to year: 98 in 2015, 172 in 2016, 479 in 2017, etc. [22, p. 353].

The punitive damages concept was used by the **South Korean** legislator when updating the Product Liability Act. The grounds for punitive damages are malicious actions of the manufacturer of defective products, for example, release of products that do not meet safety requirements provided that the manufacturer is aware of that fact. The amount of punitive damages can be up to 3 times the amount of compensatory damages, which, according to Korean scientists, is clearly insufficient to provide an adequate deterrent effect [25, p. 2]. The concept of punitive damages is also used in other laws of South Korea.

We cannot leave unmentioned the Civil Code of the **Philippines** (1949), which, from its adoption, contains detailed regulations on punitive damages². Punitive

damages (exemplary or corrective damages) may be awarded to the plaintiff in addition to compensation for moral harm, liquidation or compensatory damages; they perform functions of public condemnation and prevention (Article 2229). Punitive damages are not a means of exercising or protecting the legal right of the plaintiff since only the court determines whether there are grounds for awarding them (Article 2233). The conditions for recovering punitive damages depend on the context of the dispute: in the case of a crime, aggravating circumstances are required (Article 2230); in other torts, gross negligence of the defendant is needed (Article 2231); in contractual and quasi-contractual disputes, fraud, malicious or clearly irresponsible behavior is required (Article 2232)³. The practice of awarding punitive damages in the Philippines is quite extensive. The courts justify the decision to recover punitive damages by the need to prevent widespread violations and to uphold social justice. There are no statutory maximums for punitive damages; however, according to the practice of the Supreme Court of the Philippines, the amount must be reasonable and sufficient to have a preventive effect⁴.

3. Prospects for the Implementation of Exemplary Damages in Russian Legislation

3.1. Punitive (Over-compensatory) Sanctions in Russian Civil Law: A General Overview

In the Russian literature, punitive (over-compensatory) sanctions, as well as their negative aspects, have only recently become the subject of discussion [3, pp. 19-52; 6, pp. 128-139; 9, pp. 68-110; 12, pp. 59-64]. In general, the Russian doctrine, like the German and Austrian ones, rests on the idea of the compensatory purpose of civil liability [2, p. 611; 7, p. 217; 11, p. 234], which finds its reflection in the legislation (Articles 15, 1064 of the RF Civil Code). At the same time, there is a more flexible attitude toward the fact that civil law sanctions can also perform other functions, such as punishment and prevention [1, pp. 56-58]. Russian scientists explain the appearance of penalties in civil legislation by the same reasons as their foreign colleagues: the difficulty of proving damages in violation of certain rights (personality rights, intellectual property rights), the need for increased protection of the weaker party (consumer,

¹ (2017) 粵01 民初386号. Текст (кит.) URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=8yAVIA-KarxbLkHa9Uj/sbU7mkSRy0W1UqHZKbgZNO5i5is+LceKw5WI3IS1ZgB82m4zQDnQFtcK+mgR+UzO+N42EzZthLu10uOVRpiXfgxDvcFPcCEIGeOkvnVkuufd25>.

² Наличие института штрафных убытков в Гражданском кодексе Филиппин можно объяснить значительным влиянием США на правовую систему данного государства.

³ Текст кодекса (англ.). URL: <https://www.pinayjurist.com/wp-content/uploads/2021/01/Civil-Code-of-the-Philippines.pdf>.

⁴ См., например: Решение Верховного Суда Филиппин от 5 окт. 2011 г. по делу № 178321 (*People of the Philippines v. Conrado Laog*). Текст (англ.). URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2011/oct2011/gr_178321_2011.html.

¹ (2017) 粵01 民初386号. Text (Chin.). Available at: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=8yAVIA-KarxbLkHa9Uj/sbU7mkSRy0W1UqHZKbgZNO5i5is+LceKw5WI3IS1ZgB82m4zQDnQFtcK+mgR+UzO+N42EzZthLu10uOVRpiXfgxDvcFPcCEIGeOkvnVkuufd25>

² The existence of provisions on punitive damages in the Civil Code of the Philippines can be explained by the significant influence of the USA on the legal system of this country.

³ The text of the Code (Eng.). Available at: <https://www.pinayjurist.com/wp-content/uploads/2021/01/Civil-Code-of-the-Philippines.pdf>.

⁴ See, for example: Decision of the Supreme Court of the Philippines of October 5, 2011 in case No. 178321 (*People of the Philippines v. Conrado Laog*). Text (Eng.). Available at: https://lawphil.net/judjuris/juri2011/oct2011/gr_178321_2011.html.

работника), необходимостью пресечения систематических (массовых) правонарушений [8, с. 319–320].

К санкциям, которые потенциально могут привести к сверхвозмещению на стороне потерпевшего, относят: штрафную неустойку и штраф за нарушение прав потребителя (п. 2 и п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, соответственно), судебную неустойку (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ), компенсацию за нарушение исключительных прав (п. 3 ст. 1252, ст. 1301, ст. 1406.1, п. 4 ст. 1515 ГК РФ) [9, с. 68–70]. И это лишь те случаи, когда возможность сверхвозмещения очевидна. Гипотетически, эффект сверхвозмещения может иметь место и при взыскании компенсации за причинение вреда окружающей среде – если размер компенсации будет рассчитываться по таксам и методикам (при отсутствии у ответчика утвержденного проекта рекультивационных и иных восстановительных работ на момент разрешения спора)¹, которые не всегда позволяют учитывать нюансы природного объекта, например наличие накопленного вреда или истощенность биоресурсов. Компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав потерпевшего² также вызывает вопросы о правовой природе данной санкции – не скрывается ли за ней российский аналог штрафных убытков?³ Аналогичное замечание можно сделать в адрес судебных решений о взыскании компенсации морального вреда при утрате или повреждении вещей, неимущественная ценность которых для потерпевшего далеко не очевидна (например, квартира)⁴.

Штрафные санкции долгое время ассоциировались лишь с дополнительным бременем для ответчика, при этом упускалась из виду их гибридная (частно-публичная) природа. В современной литературе обоснованно поставлен вопрос о необходимости дифференциации условий применения компенсаторных и штрафных санкций. В частности, если речь идет о взыскании штрафной неустойки за нарушение прав потребителя, предлагается учитывать степень вины ответчика⁵, продолжительность правонарушения и частоту допускаемых нарушений прав

потребителя [12, с. 63–64]. Действительно, в случае применения наказания акцент переносится с фигуры и имущественного положения потерпевшего на поведение правонарушителя.

Применительно к компенсации за нарушение исключительных прав на результаты творческой деятельности и средства индивидуализации Конституционный Суд РФ формирует практику, направленную на предотвращение случаев взыскания чрезмерных сумм и неоправданного обогащения потерпевшего. Так, в Постановлении от 24.07.2020 № 40-П Конституционный Суд РФ разъяснил, что положения пункта 3 статьи 1252 и пункта 4 статьи 1515 ГК РФ не могут трактоваться как исключаящие право суда с учетом фактических обстоятельств конкретного дела снизить общий размер компенсации, если он многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков и обстоятельства дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено ответчиком впервые, не носило грубый характер и т. д. Идею поиска разумного баланса Конституционный Суд РФ развил в Постановлении от 14.12.2023 № 57-П, указав на необходимость учета аффилированности потерпевших (владельцев сходных товарных знаков, которые были неправомерно использованы), предъявивших к ответчику требование о взыскании компенсации.

В применении некоторых сверхкомпенсационных санкций действительно есть перегибы, в том числе избыточное финансовое давление на ответчика. Однако это не повод для их упразднения или замены штрафными убытками. Скорее, речь идет об уточнении условий их применения, а также создании неких корректирующих механизмов – подобных статье 333 ГК РФ, но позволяющих учитывать более широкий спектр обстоятельств, характеризующих ответчика. Соответствующие вопросы могут быть разрешены посредством разъяснений высших судебных инстанций. Лишь в сфере защиты прав потребителей обилие штрафных санкций и отсутствие четкой концепции их применения указывают на необходимость законодательной реформы.

¹ Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26.12.2024), п. 3 ст. 77, ст. 78. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Закон об охране окружающей среды. См. также: п. 12, 16 Обзора судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022).

² Допускается лишь в случаях, предусмотренных законом (п. 2 ст. 1099 ГК РФ), например, при нарушении прав потребителя, трудовых прав.

³ В европейской доктрине обсуждается возможность использования института компенсации морального вреда (*non-pecuniary damage*) в целях стимулирования более сильного контрагента к надлежащему исполнению договорных обязательств: работодателя перед работником, страховщика перед страхователем и т. д. Как правило, соответствующая компенсация присуждается в случаях злоупотреблений со стороны более сильного контрагента [42, с. 375–377]. В российской литературе к основным функциям компенсации морального вреда, вне зависимости от контекста ее присуждения (умаление нематериальных благ или нарушение имущественных прав), относят компенсаторную функцию и функцию морального удовлетворения [4, с. 48–51].

⁴ См., например: кассационное Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апр. 2023 г. по делу № 7У-2446/2023.

⁵ Несмотря на общее правило п. 3 ст. 401 ГК РФ об ответственности лица, не исполнившего обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, независимо от вины.

employee), the need to curb systematic (mass) offenses [8, pp. 319-320].

Sanctions that could potentially lead to overcompensation on the victim's side include: a penalty and a fine for violation of consumer rights (Items 2 and 6 of Article 13 of the Consumer Protection Law); a judicial penalty (Item 1 of Article 308.3 of the RF Civil Code); a compensation for violation of intellectual rights (Item 3 of Article 1252, Article 1301, Article 1406.1, Item 4 of Article 1515 of the RF Civil Code) [9, pp. 68-70]. And these are only those cases where the possibility of overcompensation is obvious. Hypothetically, a similar effect may occur when collecting compensation for environmental damage – if the amount of compensation is calculated according to taxes and methods (in the event that the defendant does not have an approved project for remediation and other restoration works at the time of dispute resolution¹), which do not always take into account the nuances of the natural object, for example, the accumulated damage or depletion of biological resources. Compensation for moral harm in case of violation of property rights² also raises questions about the legal nature of this sanction – is not it the Russian equivalent of punitive damages?³ A similar doubt can be expressed with regard to judgements on the recovery of compensation for moral harm in the case of loss or damage of things the non-material value of which for the claimant is far from obvious (for example, an apartment)⁴.

For a long time, penalties were associated only with an additional burden for the defendant, while their hybrid (private-public) nature was overlooked. In modern literature, the question of the need to differentiate the conditions for the application of compensatory and punitive sanctions has been reasonably raised. In particular, with regard to the collection of penalties for violation of consumer rights, it is proposed to take into account the degree of the defendant's fault⁵, the duration of the infringement of the right, and the frequency of

violations [12, pp. 63-64]. In the case of punishment, the emphasis is shifted from the victim and his losses to the behavior of the offender.

With regard to compensation for infringement of intellectual property rights, the Constitutional Court of the Russian Federation takes an approach aimed at preventing cases of awarding excessive amounts to the victim and his unreasonable enrichment. In its Resolution No. 40-P of July 24, 2020 the RF Constitutional Court clarifies that the provisions of Item 3 of Article 1252 and Item 4 of Article 1515 of the RF Civil Code cannot be interpreted as excluding the right of the court to reduce, taking into account the factual circumstances of a particular case, the total amount of compensation if it is many times higher than the damage caused to the claimant and if the circumstances of the case indicate, in particular, that the offense was committed by the defendant for the first time, was not serious, etc. The Constitutional Court of the Russian Federation developed the idea of finding a reasonable balance in its Resolution No. 57-P of December 14, 2023, emphasizing the need to consider affiliation of the victims (owners of similar trademarks that were unlawfully used) who have filed a claim for compensation.

It is true that there are excesses in the application of some over-compensatory sanctions, including excessive financial pressure on the defendant. However, this is not a reason to abolish them or replace them with punitive damages. Rather, it is a question of clarifying the conditions for their application as well as creating some corrective mechanisms – similar to Article 333 of the RF Civil Code, but making it possible to take into account a wider range of circumstances characterizing the defendant's behavior. The relevant issues can be resolved through clarifications from higher courts. In the field of consumer protection, the abundance of penalties and the lack of a clear concept of their application indicate the need for legislative reform.

¹ On Environmental Protection: Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 (as of December 26, 2024), Item 3 of Article 77, Article 78. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'. Hereinafter referred to as the Environmental Protection Law. See also: Items 12, 16 of the Review of Judicial Practice on the Application of Legislation on Environmental Protection, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 24, 2022.

² It is allowed only in cases directly provided for by law (Item 2 of Article 1099 of the Civil Code of the Russian Federation), for example, in case of violation of consumer rights, employee rights.

³ The European doctrine discusses the possibility of using compensation for moral harm (non-pecuniary damage) in order to encourage the stronger counterparty to properly fulfill contractual obligations of the employer to the employee, of the insurer to the policyholder, etc. As a rule, appropriate compensation is awarded in cases of abuse by the stronger counterparty [42, pp. 375-377]. In Russian literature, the main functions of compensation for moral harm, regardless of the context (diminution of personality or violation of property rights), include compensation and satisfaction [4, pp. 48-51].

⁴ See: Ruling of the 8th Cassation Court of General Jurisdiction No. 7У-2446/2023 of April 25, 2023.

⁵ Despite the general rule of Item 3 of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation on the liability of a person who has not fulfilled an obligation while carrying out business activities, regardless of guilt.

3.2. Штрафные санкции за нарушение прав потребителя

Правовая природа компенсации морального вреда и штрафа, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей¹

Законодательство о защите прав потребителей предусматривает целый арсенал штрафных (сверхкомпенсационных) санкций: штрафная неустойка, компенсация морального вреда, штраф за отказ удовлетворить законные требования потребителя в добровольном порядке. Существует ли риск ничем не оправданного обогащения потребителя? Вероятно, да, особенно в тех случаях, когда потребитель предъявляет несколько исков к ответчику в связи с одной и той же спорной ситуацией (например, о возврате стоимости некачественного товара, выплате неустойки, взыскании убытков в виде разницы в цене аналогичных товаров и т. д.), рассчитывая на взыскание штрафа по каждому делу. Испытывает ли ответчик избыточное финансовое давление? Абсолютно точно. Во-первых, применение всех вышеперечисленных санкций (за исключением компенсации морального вреда) не обусловлено наличием вины в действиях ответчика. Во-вторых, размер санкций не зависит от того, было ли применено к ответчику какое-либо административное или уголовное наказание в форме штрафа за то же правонарушение. Вполне возможна ситуация, когда предприниматель был подвергнут административному наказанию в виде штрафа (например, на основании ст. 14.8 Кодекса об административных правонарушениях РФ²) или аналогичному уголовному наказанию (например, на основании ст. 238 Уголовного кодекса РФ³ (далее – УК РФ)), после чего был удовлетворен гражданский иск потребителя к указанному предпринимателю и, соответственно, взыскан штраф в порядке пункта б статьи 13 Закона о защите прав потребителей.

В то же время нельзя сказать, что эти сверхкомпенсационные санкции эффективны в пресечении массовых правонарушений. Если сумма требований потребителя невелика, то и исчисленный из нее штраф также будет небольшим и не обеспечит

нужный превентивный эффект. Одному из авторов данной статьи удалось привлечь к ответственности крупнейшего провайдера услуг связи за недобросовестную деловую практику (изменение тарифного плана со ссылкой на совершение потребителем конклюдентных действий): на ответчика была возложена обязанность произвести перерасчет стоимости услуг, выплатить компенсацию морального вреда в размере 500 руб. и штраф в размере 250 руб.⁴ Подобное «наказание» вряд ли повлияет на дальнейшую деятельность провайдера. Примеры легко продолжить – навязывание потребителю дополнительных услуг⁵, изменение цены товара (услуги) в одностороннем порядке, предоставление недостоверной или неполной информации о потребительских свойствах товара и пр.

В силу статьи 15 Закона о защите прав потребителей моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения его прав, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Это одно из исключений, санкционированных законом (п. 2 ст. 1099 ГК РФ). Поскольку сумма компенсации не зависит от размера причиненного потребителю имущественного вреда и понесенных убытков⁶, данная санкция имеет сверхкомпенсационный характер, так или иначе выполняет функции наказания, превенции. Возникает закономерный вопрос: как обеспечить справедливость наказания, какие обстоятельства следует принять во внимание при определении размера компенсации? Перечисленные в статьях 151 и 1101 ГК РФ критерии (характер физических и нравственных страданий, индивидуальные особенности потерпевшего) уместны при взыскании компенсации морального вреда за умаление нематериальных благ, однако их применимость в случае нарушения имущественных прав потребителя вызывает большие сомнения. Фактически суд может опираться лишь на степень вины ответчика, а также требования разумности и справедливости.

Разъясняя практику применения норм о компенсации морального вреда, Верховный Суд указал, что для взыскания компенсации морального вреда в пользу потребителя достаточно установить сам

3.2. Punitive Sanctions for Violation of Consumer Rights

The legal nature of compensation for moral harm and the fine provided for by the Consumer Protection Law¹

The legislation on consumer protection provides for a whole arsenal of punitive (over-compensatory) sanctions: a penalty, compensation for moral harm, a fine for refusing to satisfy the legitimate demands of the consumer on a voluntary basis. Is there a risk of unreasonable enrichment of the consumer? Probably yes, especially in cases where the consumer consistently files several lawsuits against the defendant based on the same situation (for example, the refund of the cost of low-quality goods, payment of penalties, recovery of the price differences for similar goods, etc.), counting on the award of a fine in each case. Is the defendant experiencing excessive financial pressure? Absolutely. Firstly, the application of all of the above sanctions (with the exception of compensation for moral harm) is not conditioned by the defendant's guilt. Secondly, the size of the sanctions does not depend on whether an administrative or criminal fine was imposed on the defendant for the same offense. A situation is quite possible where an entrepreneur was subjected to an administrative fine (for example, on the basis of Article 14.8 of the RF Code of Administrative Offenses²) or a similar criminal penalty (for example, on the basis of Article 238 of the RF Criminal Code³) after which a consumer's civil claim against the same entrepreneur was satisfied and a fine was levied in accordance with Item 6 of Article 13 of the Consumer Protection Law.

At the same time, it cannot be said that these over-compensatory sanctions are effective in suppressing mass offenses. If the amount of the consumer's claims is small, then the fine calculated from it will also be small and will not provide the necessary preventive effect.

One of the authors of this article managed to hold accountable the largest Russian provider of communication services for unfair business practices (unilateral change of the tariff plan): the defendant was obliged to recalculate the cost of services, pay compensation for moral harm in the amount of 500 RUB and a fine of 250 RUB⁴. Such a 'punishment' is unlikely to affect the provider's business practices. The list of such examples can easily be continued: the imposition of paid services⁵, a unilateral change in the price, the provision of false or incomplete information about the product, etc.

In accordance with Article 15 of the Consumer Protection Law, moral harm caused to a consumer as a result of a violation of his rights is subject to compensation by the entrepreneur in the presence of his guilt. This is one of the exceptions provided for by law (Item 2 of Article 1099 of the RF Civil Code). Since the amount of compensation does not depend on the amount of property damage caused to the consumer and the losses incurred⁶, this sanction has an over-compensatory character, in a certain way it performs the functions of punishment and prevention. A natural question arises: how to ensure the fairness of the punishment, what circumstances should be taken into account when determining the size of compensation? The criteria listed in Articles 151 and 1101 of the RF Civil Code (the nature of physical and moral suffering, the individual characteristics of the victim) are appropriate when seeking moral compensation for diminishing personal non-property rights, but their applicability in the case of violation of the consumer's property rights is highly questionable. In fact, the court can rely only on the degree of the defendant's guilt, as well as on the requirements of reasonableness and fairness.

Commenting on cases of compensation for moral harm, the RF Supreme Court clarified that in order to recover moral compensation in favor of the consumer, it is sufficient to establish the fact of violation

¹ Проблемные аспекты штрафной неустойки за нарушение прав потребителя намеренно не освещаются авторами, поскольку ранее уже были предметом подобных исследований [6, с. 128–139; 12, с. 59–64].

² Размер штрафа в отношении юридического лица может составлять до 500 тыс. руб.

³ Размер штрафа может составлять до 500 тыс. руб.

⁴ См.: Решение Советского районного суда г. Красноярск от 14 сент. 2020 г. по делу № 2 -2480/2020 (по иску Кратенко М. В. к ПАО «Ростелеком»). URL: https://sovnet--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=105913986&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

⁵ См., например: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 нояб. 2022 г. № 88 -20658 по иску Управления Роспотребнадзора в интересах С. к АО «Мегафон Ритейл» (навязанное программное обеспечение при покупке смартфона; сумма штрафа составила 7 тыс. руб.); Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Мурманск от 16 нояб. 2017 г. № 11-65/17 по иску С. к ООО «Т2 Мобайл» (подключение платных услуг и контента без согласия абонента; сумма штрафа составила 600 руб.).

⁶ Абз. 2 ст. 15 Закона о защите прав потребителей.

¹ The controversial aspects of the penalty for violation of consumer rights are not covered by the authors as they have previously been the subject of such studies [6, pp. 128-139; 12, pp. 59-64].

² The amount of the fine imposed on a legal person can be up to 500,000 RUB.

³ The amount of the fine can be up to 500,000 RUB.

⁴ See: Ruling of the Soviet District Court of Krasnoyarsk of September 14, 2020 in case No. 2-2480/2020 (Kratenko v. PJSC 'Ros-telecom'). Available at: https://sovnet--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=105913986&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

⁵ See, for example: Ruling of the 8th Cassation Court of General Jurisdiction No. 88-20658 of November 25, 2022 in case *Consumer Protection Service in the interests of S. v. Megafon Retail JSC* (imposed acquisition of software when buying a smartphone; the amount of consumer fine was 7,000 RUB); Appellate Ruling of the Leninskiy District Court of Murmansk No. 11-65/17 of November 16, 2017 in case *S. v. T2 Mobile LLC* (provision of paid services and content without the consent of the subscriber; the amount of the consumer fine was 600 RUB).

⁶ Para. 2 of Article 15 of the Consumer Protection Law.

факт нарушения его имущественных прав¹. Иными словами, наличие физических и нравственных страданий у потребителя предполагается. Также рекомендовано исходить из предположения о вине ответчика в причинении морального вреда, пока не доказано обратное². Складывается абсурдная ситуация – на ответчика налагается наказание, которое гипотетически должно иметь воспитательный и превентивный эффект, однако правоприменитель опирается на одни лишь предположения – вместо повышенного стандарта доказывания. Верховный Суд РФ уделил пристальное внимание критериям определения размера компенсации морального вреда, однако не дифференцировал их применительно к нарушению нематериальных благ и имущественных прав потерпевшего (в частности, потребителя)³. Такой поверхностный подход к регулированию компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав (в частности, потребителя) позволяет говорить о том, что речь идет о некой юридической фикции: физических и нравственных страданий у потребителя может и не быть (например, в силу незначительной стоимости спорного товара), но взыскать компенсацию необходимо. Возможно, этим объясняется практика присуждения потребителю символической компенсации в ситуациях, когда не установлен факт причинения вреда его здоровью. Так, расторгая договор купли-продажи некачественной мебели (при изготовлении которой использовались опасные вещества), суд взыскал в пользу истца компенсацию морального вреда в размере 2 тыс. руб., несмотря на длительное нахождение «токсичного» шкафа в квартире потребителя, уклонение ответчика от его вывоза. Отменяя судебные акты по делу, ВС РФ указал на заниженный размер компенсации⁴.

«Потребительский штраф» не всегда присуждался самому потребителю. До 2012 года штраф взыскивался в бюджет соответствующего муниципального образования⁵ и рассматривался многими как аналог административной санкции. В 2012 году, несмотря на отсутствие каких-либо изменений в редакции пункта 6 статьи 13 Закона РФ «О защите прав

потребителей», Верховный Суд РФ кардинально поменял свою позицию и указал на необходимость взыскания штрафа в пользу самого потребителя⁶. Такая резкая смена координат вызвала в литературе дискуссию о правовой природе потребительского штрафа – является он частноправовой или публично-правовой санкцией. Некоторые ученые тут же провели параллель между потребительским штрафом и известным общему праву институтом штрафных убытков [3, с. 40–41]. До настоящего времени точка в этой дискуссии не поставлена, о чем свидетельствует различная трактовка потребительского штрафа в постановлениях Конституционного Суда РФ – как самостоятельного вида ответственности (существующего наряду с гражданско-правовой)⁷ либо в качестве сверхкомпенсационной меры, которая применяется дополнительно к мерам гражданско-правовой ответственности компенсаторного характера (возмещение убытков, неустойка и пр.)⁸. Верховный Суд РФ приравнивает потребительский штраф к законной неустойке из чисто практических соображений – для обоснования возможности снижения размера штрафа по правилам статьи 333 ГК РФ⁹.

К сожалению, предметом анализа высших судебных инстанций стал лишь вопрос о том, кому присуждать потребительский штраф. С учетом сверхкомпенсационной, то есть отчасти публично-правовой, природы данной санкции следовало бы оценить и условия ее применения. В настоящее время штраф взыскивается во всех случаях удовлетворения исковых требований потребителя, «автоматически» (даже если истцом-потребителем не заявлено соответствующее требование) и неизбирательно. Наличие вины в действиях ответчика и форма вины не являются детерминирующими ни для присуждения штрафа, ни для определения его размера. Такой подход выглядит примитивным в сравнении с условиями присуждения штрафных убытков в странах общего права или штрафной компенсации 惩罚性赔偿 / компенсации 增加赔偿 в Китае, хотя и более удобным для правоприменителя. С другой стороны, отсутствие у судьи дискреции в решении соответствующих вопросов (присуждать ли штраф и в каком размере) значительно снижает превентивный потенциал данной санкции, не говоря уже об отказе от принципа индивидуализации наказания.

¹ См.: О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2022 г. № 33. П. 3, 55 (далее – Постановление № 33).

² См.: п. 12 Постановления № 33.

³ См.: п. 26–30 Постановления № 33.

⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 12 дек. 2023 г. № 5-КГ23-137-К2.

⁵ С учетом разъяснений в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 4-й квартал 2006 г. (утв. 7 март. 2007 г.), вопрос 29.

⁶ См.: О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17. П. 46.

⁷ См., например: Определения Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2010 г. № 1721-О-О, от 14 июля 2011 г. № 946-О-О, от 19 июля 2016 г. № 1566-О.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 дек. 2024 г. № 59-П.

⁹ См., например: разъяснение в пункте 11 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 23 окт. 2024 г.

of his property rights¹. In other words, the consumer is supposed to have physical and moral suffering in such cases. It is also recommended to take as a premise the assumption of the defendant's guilt in causing moral harm until proven otherwise². An absurd situation is developing – the defendant receives a punishment that hypothetically should have a corrective or preventive effect, but the judiciary relies on assumptions alone instead of an increased standard of proof. The Supreme Court of the Russian Federation paid close attention to the criteria for determining the amount of moral compensation, but did not differentiate them in relation to the violation of personal and property rights of the victim (including consumers as victims)³. Such a superficial approach to regulating compensation for moral harm in case of violation of property rights (in particular, of consumers) suggests that this is a kind of legal fiction: the consumer may not have physical and moral suffering (for example, due to an insignificant cost of product purchased), but compensation must be sought. Perhaps this explains the practice of awarding symbolic compensation to consumers in situations where the fact of harm to life or health has not been established. In one of the cases, terminating a contract of sale of substandard furniture (made using dangerous chemicals), the court awarded the claimant compensation for moral harm in the amount of 2,000 RUB despite the long-term presence of the 'toxic' wardrobe in the consumer's apartment and the defendant's refusal to remove it. Overriding the decision in the case, the Supreme Court of the Russian Federation pointed out the clearly underestimated compensation⁴.

The so called 'consumer fine' was not always awarded to the consumer himself. Until 2012, the fine was collected into the budget of the relevant municipality⁵ and was considered by many as an analogue of an administrative sanction. In 2012, despite the unchanged wording of Item 6 of Article 13 of the Consumer Protection Law, the Supreme Court of the Russian Federation

radically changed its position and pointed to the award of the fine in favor of the consumer himself⁶. This drastic change in jurisprudence sparked a discussion in the literature about the legal nature of the consumer fine – whether it is a private-law or public-law sanction. Some scientists immediately drew a parallel between the consumer fine and the well-known institute of punitive damages [3, pp. 40-41]. To date, this discussion has not been resolved, which is confirmed by the different interpretation of the consumer fine in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation – as a separate type of liability (existing along with civil liability)⁷ or as an over-compensatory sanction that is applied additionally to civil liability measures of a compensatory nature (recovery of damages, penalty, etc.)⁸. The Supreme Court of the Russian Federation regards the consumer fine as a penalty for practical reasons – to justify the possibility of reducing the fine according to Article 333 of the RF Civil Code⁹.

Unfortunately, the only question analyzed by higher courts was the question of who should be awarded the fine. Taking into account the over-compensatory, that is, public-law, nature of this sanction, the conditions of its application should also be assessed. Currently, the fine is levied in all cases of satisfaction of consumer claims, 'automatically' (even if the consumer has not filed a corresponding claim) and not selectively. The degree of the defendant's guilt is not decisive either for the award of the fine or for determining its amount. This approach looks too simplified in comparison with the conditions for awarding punitive damages in common law countries or punitive compensation 惩罚性赔偿 / compensation 增加赔偿 in China, although it is more convenient for judges. On the other hand, the judge's lack of discretion in deciding relevant issues (whether to award the fine and in what amount) significantly reduces the preventive potential of this sanction, not to mention ignoring the principle of individualization of punishment.

¹ See: Items 3, 55 of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 of November 15, 2022 'On the Practice of Application by Courts of the Rules on Compensation for Moral Harm'. Hereinafter referred to as Resolution No. 33.

² See: Item 12 of Resolution No. 33.

³ See: Items 26 – 30 of Resolution No. 33.

⁴ See: Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG23-137-K2 of December 12, 2023.

⁵ Taking into account the clarifications given in the Review of Legislation and Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the 4th quarter of 2006 (approved on March 7, 2007), question 29.

⁶ See: Plenary Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 17 of June 28, 2012 'On the Practice of Consumer Protection Cases' (Item 46).

⁷ See, for example: Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1721 -O-O of December 16, 2010; No. 946-O-O of July 14, 2011; No. 1566-O of July 19, 2016.

⁸ Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 59-P of December 26, 2024.

⁹ See, for example, the clarification in Item 11 of the Review of Judicial Practice in Consumer Protection Cases, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 23, 2024.

Право потребителя на безопасность продукции и штрафные убытки: сравнительный опыт США и Китая

Проводя параллели между штрафными санкциями в зарубежном и российском праве, нельзя не упомянуть об институте ответственности изготовителя за вред, причиненный дефектной продукцией (*product liability*). Уместны ли подобные санкции в рамках режима строгой (безвиновной) ответственности изготовителя?

США

В 70–80-х годах прошлого века институт штрафных убытков стал активно применяться судами США при разрешении споров о возмещении вреда, причиненного дефектными товарами. Эксперты обратили внимание на тот факт, что строгая ответственность является адекватным механизмом распределения риска в ситуациях, когда вред причиняется дефектной продукцией, выпущенной на рынок по неосторожности, однако принципы ответственности не приспособлены для противодействия тем изготовителям, которые осознанно распространяют дефектные товары и безразлично относятся к безопасности потребителей. Одни изготовители, даже будучи осведомленными об опасных свойствах своих товаров, не готовы потратить и доллар на снижение рисков для конечного потребителя. Другие поступают еще хуже, когда представляют в уполномоченные государственные органы сфальсифицированные отчеты об испытаниях продукции (например, лекарственных средств), а затем рекламируют ее как абсолютно безопасную и одобренную к применению. По словам проф. Оуэна, такие недобросовестные предприниматели должны понимать, что их ответственность может не исчерпываться одним лишь возмещением причиненного вреда [32, с. 1259–1260].

На основе анализа практики судов США за более чем 30-летний период проф. Оуэн выделил как минимум 4 категории потребительских споров, при разрешении которых жюри обычно присуждает потерпевшему штрафные убытки:

1) поведение изготовителя содержит признаки обмана (*fraudulent-type misconduct*), например: фальсификация результатов испытаний лекарственных препаратов для получения разрешения; намеренное введение потребителей в заблуждение относительно безопасности продукции в ходе рекламных кампаний: *Toole v. Richardson-Merrell Inc. (1967)*; *Squibb & Sons, Inc. v. Stickney (1974)*;

2) осознанное отступление изготовителя от стандартов безопасности при разработке и изготовлении товара: *Rosendin v. Avco Lycoming Div. (1972)*;

3) явно недостаточное тестирование продукции, поверхностный контроль качества: *Smith v. Cessna Aircraft Co. (1972)*; *Deemer v. A.H. Robins Co. (1976)*;

4) бездействие изготовителя или продавца в части исправления дефектов, о которых им стало известно уже после выпуска товара в обращение, включая несвоевременное проведение отзывной кампании: *Hoffman v. Sterling Drug, Inc. (1975)*; *Gillham v. Admiral Corp. (1975)* [32, с. 1329].

Для всех перечисленных выше форм ненадлежащего поведения характерна серьезная степень вины – умысел или как минимум грубая неосторожность. Присяжные учитывают и другие факторы, в том числе тяжесть причиненного потерпевшему вреда, масштаб происшествий с участием дефектной продукции, но уже, скорее, для определения размера штрафных убытков.

В деле *Toole v. Richardson-Merrell Inc.* потерпевшим удалось доказать факт причинения вреда здоровью (развитие катаракты глаза) вследствие побочных эффектов производимого ответчиком препарата (MER/29). Выяснилось, что ответчик подделал результаты нескольких испытаний препарата на животных и обманным путем получил разрешение Службы по контролю за безопасностью пищевой продукции и лекарственных средств (Food and Drug Administration, FDA). Зная о серьезных рисках для потребителей, ответчик на протяжении нескольких лет рекламировал свой препарат как абсолютно безопасный и не прекращал его продажу вплоть до момента конфискации по распоряжению FDA. Присяжные взыскали в пользу истца в счет возмещения причиненного вреда 175 тыс. долл., а также штрафные убытки в размере 500 тыс. долл. Председательствующий судья уменьшил сумму штрафных убытков до 250 тыс. долл.¹

В деле *Gillham v. Admiral Corp.* иск был предъявлен к производителю цветных телевизоров в связи с возгоранием пульта и причинением серьезных ожогов 75-летнему пользователю. Телевизионные пульты имели производственные дефекты, о чем было известно ответчику из заключения его инженеров. В течение 4 лет, предшествовавших пожару в доме истца, было еще 90 аналогичных происшествий, однако ответчик не только не инициировал отзывную кампанию, но и всячески старался скрыть причины возгораний. Присяжные вынесли вердикт о взыскании в пользу истца 125 тыс. долл. компенсаторных убытков и 100 тыс. долл. штрафных².

Китай

В соответствии со статьей 1207 ГК КНР и частью 2 статьи 55 Закона о защите прав и интересов потребителей штрафная компенсация присуждается лишь при определенном типе нарушения – в случае причинения вреда жизни или здоровью потребителя (инвалидность 1-й или 2-й степени) вследствие таких недостатков товара, о которых изготовитель (продавец) знал, но скрывал и не предпринимал меры

Consumers' rights to product safety and punitive damages:

comparative experience of the USA and China

Comparing punitive sanctions in foreign and Russian law, we cannot but discuss them in the context of the manufacturer's liability for damage caused by defective products (product liability). Are such sanctions appropriate within the framework of the strict (no-fault) liability regime?

USA

In the 1970s and 80s, the institution of punitive damages began to be actively used by U.S. courts in resolving product liability cases. Scholars drew attention to the fact that strict liability is an adequate risk-sharing mechanism in situations where harm is caused by defective products released to the market due to negligence, but its principles are not suitable for countering those manufacturers who knowingly distribute defective goods and are indifferent to consumer safety. Some manufacturers, even though they are aware of hazard characteristics of their products, are not willing to spend a dollar to reduce the risks to the end users. Others do even worse when they submit falsified product test reports (for example, for medicines) to authorized agencies, and then advertise their product as absolutely safe and approved for use. According to Prof. Owen, such unscrupulous and dishonest entrepreneurs should understand that their liability may not be limited to just compensation for the damage caused [32, pp. 1259-1260].

Based on an analysis of the practice of U.S. courts over a period of more than 30 years, Prof. Owen identified at least 4 categories of consumer disputes in which the jury usually awards punitive damages to the victim:

1) the manufacturer commits fraud (fraudulent-type misconduct), for example: falsification of drug test results in order to obtain a license; deliberate misleading of consumers about product safety during advertising campaigns: *Toole v. Richardson-Merrell Inc. (1967)*; *Squibb & Sons, Inc. v. Stickney (1974)*;

2) the manufacturer deliberately ignores safety standards in the design and manufacture of goods: *Rosendin v. Avco Lycoming Div. (1972)*;

3) clearly inadequate testing or quality control: *Smith v. Cessna Aircraft Co. (1972)*; *Deemer v. A.H. Robins Co. (1976)*;

4) post-marketing failures to remedy known dangers: *Hoffman v. Sterling Drug, Inc. (1975)*; *Gillham v. Admiral Corp. (1975)* [32, p. 1329].

All of the above actions are characterized by a serious degree of fault – willful intent or at least gross negligence. The jury also take into account other factors (including the severity of the damage caused to the victim, the scale of incidents involving defective products), but rather to determine the amount of punitive damages.

In *Toole v. Richardson-Merrell Inc.* the victims managed to prove the fact of injury (development of eye cataracts) due to the side effects of the drug produced by the defendant (MER/29). It turned out that the defendant had falsified the results of several animal tests of the drug and fraudulently obtained permission from the Food and Drug Administration (FDA). Knowing about the serious risks to consumers, for several years the defendant advertised its drug as absolutely safe and did not stop selling it until it was confiscated by order of the FDA. The jury awarded the claimant 175,000 USD in damages, as well as punitive damages in the amount of 500,000 USD. The presiding judge reduced the punitive damages to 250,000 USD¹.

In *Gillham v. Admiral Corp.*, the lawsuit was filed against the manufacturer of color TV sets in connection with the inflammation of a remote control and serious burns caused to a 75-year-old user. The television remote controls had manufacturing defects, which the defendant was aware of from technical conclusion of his engineers. During 4 years preceding the fire in the victim's house, there were 90 more similar incidents, but the defendant not only did not initiate a recall campaign, but also tried in every possible way to hide the causes of the fires. The jury awarded the claimant \$125,000 in compensatory damages and another \$100,000 in punitive damages².

China

Based on Article 1207 of China's Civil Code and Item 2 of Article 55 of China's Consumer Protection Law, punitive compensation is awarded only in case of a certain type of violation –harm caused to the life or health of the consumer (1st or 2nd degree disability) due to such defects of the goods that the manufacturer (seller) knew about, but without taking measures

¹ 251 Cal. App. '2d 689, 60 Cal. Rptr. 398 (1967).

² 523 F.2d 102 (6th Cir. 1975).

¹ 251 Cal. App. '2d 689, 60 Cal. Rptr. 398 (1967).

² 523 F.2d 102 (6th Cir. 1975).

к отзыву товара из оборота. Иными словами, штрафная компенсация обеспечивает право потребителя на безопасность продукции. Данная компенсация может быть взыскана в размере, не превышающем двукратной суммы убытков потребителя.

Учитывая экстраординарность последствий, к которым может привести использование дефектной продукции, и наличие в уголовном¹ и административном законодательстве Китая соответствующих санкций за производство и реализацию дефектной продукции, можно констатировать незначительное количество гражданских дел о взыскании штрафной компенсации по данному основанию². Дополнительным сдерживающим фактором является то, что потерпевший (истец) для взыскания штрафной компенсации должен доказать ряд обстоятельств: наличие в товаре дефектов и их связь с вредом жизни или здоровью, осведомленность ответчика об опасных свойствах товара.

Штрафные убытки / штрафная компенсация не являются элементом строгой ответственности изготовителя, поскольку условия возмещения вреда потребителю (независимо от вины) и условия применения указанных штрафных санкций (при наличии серьезной степени вины) отличаются. Более того, при взыскании штрафных убытков невозможно применение всех тех доказательственных приемов, которые направлены на усиление процессуальной позиции потерпевшего³; стандарт доказывания соответствующего правонарушения со стороны ответчика, напротив, должен быть выше обычного. По указанным причинам штрафные убытки / штрафную компенсацию следует рассматривать как полезное дополнение к строгой ответственности изготовителя или как часть более общего института – права потребителя на безопасность продукции.

3.3. К вопросу о корректировке потребительского штрафа

Российское законодательство о защите прав потребителей перегружено штрафными санкциями. Потребитель в случае нарушения его прав может потребовать от ответчика выплаты штрафной неустойки, компенсации морального вреда и вдобавок ко всему – штрафа в размере 50 % от суммы

удовлетворенных требований. Дополнение данного списка штрафными убытками в еще большей степени нарушило бы баланс интересов предпринимателей и потребителей, поэтому оно неприемлемо.

Однако штрафные убытки (в той концепции, которая сложилась в общем праве) могли бы заменить собой одну или несколько из вышеперечисленных санкций. Имеются в виду компенсация морального вреда и потребительский штраф⁴. Обе эти санкции фактически выполняют одну и ту же функцию – наказания ответчика и предотвращения аналогичного поведения в будущем. При этом компенсация морального вреда нередко выглядит как «пародия» на защиту гражданских прав – в случае присуждения потребителю 500 руб. или еще меньшей суммы.

Лучшим решением было бы отказаться от идеи взыскания компенсации морального вреда при любых нарушениях прав потребителя. Компенсация морального вреда должна быть доступна лишь в тех случаях, когда нарушение имущественных прав потребителя сопряжено с умалением принадлежащих ему нематериальных благ либо когда из содержания обязательства следует, что его ненадлежащее исполнение причинит физические или нравственные страдания контрагенту (потребителю)⁵. Например, медицинская организация ненадлежащим образом выполняет пластическую операцию, необходимый потребителю косметический эффект не достигнут, в то же время вред его здоровью не нанесен. В подобной ситуации разумно наделить потребителя правом на компенсацию морального вреда. Присуждение компенсации морального вреда в целях усиления позиции слабой стороны (в частности, потребителя) и, соответственно, стимулирования сильной стороны к надлежащему исполнению договорных обязательств, даже в европейской доктрине рассматривается как некая экзотика, не всегда имеющая твердое нормативное основание [42, с. 345].

В свою очередь потребительский штраф должен быть преобразован – по модели *exemplary damages*: его применение необходимо сделать избирательным; обязательным условием его присуждения должна стать вина ответчика; следует исключить

to recall the product. In other words, punitive compensation ensures consumers' right to product safety. This compensation may not exceed twice the amount of losses caused to the consumer.

Taking into account the extraordinary consequences that the consumption and application of defective products can lead to and given the penalties established in Chinese criminal¹ and administrative legislation for the production and distribution of defective products, it can be stated that there are a small number of civil lawsuits seeking punitive compensation on this basis². An additional obstacle is that in order to recover punitive compensation, the victim must prove a number of circumstances: the presence of defects in the product, their connection with harm to life or health, and the defendant's awareness of the risks posed by the defective product.

Punitive damages / punitive compensation are not an element of the manufacturer's strict liability since the conditions for the compensation for harm to the consumer (regardless of fault) and the conditions for the application of these penalties (if there is a serious degree of fault) are different. Moreover, when collecting punitive damages, it is unacceptable to use all those evidentiary techniques that are aimed at strengthening the consumer's procedural position³; on the contrary, the standard of proof of the relevant circumstances should be higher than usual. For these reasons, punitive damages / punitive compensation should be regarded as a useful addition to the product liability or as part of a more general institution – the consumer's right to product safety.

3.3. On the Issue of Adjusting the Consumer Fine

Russian consumer protection law is overloaded with penalties. In case of violation of their rights, consumers may require that the defendant pay a penalty, compensation for moral harm and, in addition, a fine in

the amount of 50 % of satisfied claims. Adding punitive damages to this list of sanctions would further disrupt the balance of interests of entrepreneurs and consumers and is therefore unacceptable.

However, punitive damages (in the concept developed in common law) could replace one or more of the above sanctions. This refers to compensation for moral harm and the consumer fine⁴. Both of these sanctions actually perform the same function – punishing the defendant and preventing similar behavior in the future. At the same time, compensation for moral harm often looks like a parody of the protection of civil rights – for example, in the case of awarding 500 RUB or an even smaller amount to the consumer.

The best solution would be to abandon the idea of awarding compensation for moral harm in all cases of violation of consumer rights. Compensation for moral harm should be available only in cases where a violation of the consumer's property right is associated with a diminution of his personal (non-material) rights, or where it follows from the content of the obligation that its improper performance will cause physical or moral suffering to the counterparty (consumer)⁵. For example, a healthcare provider improperly performs plastic surgery and the cosmetic effect required by the consumer is not achieved, while no harm has been done to his health. In such a situation, it is reasonable to give the consumer the right to compensation for moral harm. Even in the European doctrine, awarding compensation for moral harm in order to strengthen the position of the weaker party (in particular, the consumer) and, accordingly, to stimulate the stronger party to properly fulfill contractual obligations, is considered as something exotic, not always having a clear regulatory basis [42, p. 345].

In turn, the consumer fine should be transformed according to the model of *exemplary damages*: its application should be made selective; the guilt of the defendant should be a prerequisite for awarding the fine; there should be

¹ См., например: ст. 140, 146 Уголовного закона КНР.

² Если не принимать во внимание иски прокуроров и общественных организаций в защиту прав неопределенного круга потребителей (см. раздел 2.2 настоящей статьи).

³ Например, опровержимых презумпций дефектности товара или наличия причинной связи между выявленными дефектами и причиненным потребителю вредом. Соответствующие презумпции получили закрепление в тексте новой Директивы ЕС об ответственности производителя. См.: Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products and repealing Council Directive 85/374/EEC (Art. 9, Art. 10).

⁴ Избыточное применение штрафной неустойки может быть скорректировано при помощи ст. 333 ГК РФ, к тому же она имеет ограниченную область применения (случаи просрочки со стороны предпринимателя).

⁵ Близкая по смыслу норма содержится в п. 1 ст. 134 Обязательственно-правового закона Эстонии (Law of Obligations Act, 26.09.2001): требование о возмещении неимущественного вреда в связи с нарушением договорного обязательства может быть предъявлено только в том случае, если обязательство было направлено на удовлетворение определенного неимущественного интереса, и должник из обстоятельств заключения договора или его содержания должен был понимать, что нарушение обязательства может причинить неимущественный вред контрагенту. Текст закона (эст.). URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/506112013011/consolide>.

¹ See, for example, Articles 140, 146 of the Criminal Law of the People's Republic of China.

² Excluding the claims of prosecutors and public organizations in defense of the rights of an indefinite range of consumers (see section 2.2 of this article).

³ For example, refutable presumptions of defectiveness or causal link between the identified defects in product and the harm caused to the consumer. The relevant provisions have been consolidated in the New EU Product Liability Directive. See: Articles 9 and 10 of Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products and repealing Council Directive 85/374/EEC.

⁴ Excessive application of a penalty can be corrected using Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation; besides, it has a limited scope of application (cases of delay of on the part of the entrepreneur).

⁵ A similar rule is provided for in Item 1 of Article 134 of the Estonian Law of Obligations Act (2001): a claim for compensation for moral harm in connection with a breach of a contract may be filed only if the obligation was aimed at satisfying a certain non-property interest and the debtor from the circumstances of the conclusion of the contract or its content should have understood that a breach of an obligation could cause moral harm to the counterparty. Text (Est.). Available at: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/506112013011/consolide>.

риск двойной ответственности, то есть одновременного взыскания потребительского штрафа и наложения административного/уголовного наказания в виде штрафа. Также имеет смысл отказаться от текущей формулы расчета штрафа (50 % от суммы удовлетворенных требований) и предоставить большую дискрецию суду, в том числе для пресечения мелких, но массовых нарушений прав потребителей.

Менее удачным выглядит такой вариант, при котором положения статьи 15 Закона РФ «О защите прав потребителей» остаются без изменений, и компенсация морального вреда продолжает выполнять компенсаторную, карательную и превентивную функции одновременно. В таком случае во избежание дублирования наказаний и избыточной сверхкомпенсации необходимо максимально ограничить применение потребительского штрафа, например, наиболее вопиющими формами поведения ответчика (обман и иные умышленные действия в отношении потребителя, явное безразличие к безопасности потребителя) – путем внесения соответствующей оговорки в пункт 6 статьи 13 Закона РФ о защите прав потребителей¹. По примеру китайских коллег можно специально указать в законе (в одной из статей параграфа 3 гл. 59 ГК, а также в ст. 14 Закона о защите прав потребителей) на возможность взыскания штрафа в ситуации, когда вред жизни и здоровью потребителя был причинен недостатками товара, о которых ответчику было заведомо известно, однако он не предпринял своевременных мер к отзыву товара из обращения или иным образом не предупредил пользователей. В подобных случаях вина ответчика в форме умысла или грубой неосторожности уже не может предполагаться (со ссылкой на правила п. 2 ст. 401 или п. 2 ст. 1064 ГК РФ), а подлежит доказыванию истцом. От текущей формулы для расчета штрафа, как и в первом случае, целесообразнее отказаться и указать в законе совокупность критериев, в частности: степень вины ответчика и его материальное положение, соразмерность с административными и уголовными штрафами за сходные правонарушения, факт возмещения потерпевшему вреда (убытков) третьими лицами.

Проблема избыточного обогащения потребителя как в первом, так и во втором случае может быть решена через установление предельных значений штрафа, а также посредством направления части штрафа в бюджет соответствующего муниципального образования или в специальные фонды (благотворительные организации и пр.) для потерпевших.

Подобная практика существовала в России до 2012 года и, возможно, нуждалась лишь в некоторых усовершенствованиях. В частности, при взыскании штрафа в местный бюджет можно предусмотреть целевое использование соответствующих средств – подобно тому, как это сделано в отношении сумм возмещения экологического вреда².

Заключение

Известный общему праву институт штрафных убытков имеет запутанное происхождение и даже политическую подоплеку (в делах *Huckle v. Money*, *Wilkes v. Wood*), однако выдержал проверку временем. Ни одна из стран Содружества не отказалась от его использования³, хотя и подвергла определенным ограничениям.

Сложно спорить с аргументами сторонников жесткого разделения публичного и частного права о том, что штрафные убытки являются карательной санкцией (наказанием) и с трудом вписываются в привычную концепцию гражданско-правовой ответственности. Однако справедливы и контраргументы другой стороны о том, что публичное право не всегда адекватно реагирует на массовые, но малозначительные правонарушения или ограничено в части адресатов ответственности⁴, поэтому в некоторых случаях гражданские иски потерпевших или правозащитных организаций могут обеспечить лучший превентивный эффект. Доступность частноправового механизма защиты стимулирует самих потерпевших, в частности потребителей, к выявлению и пресечению соответствующей недобросовестной деловой практики.

Проф. Коциоль прав в том, что проблема неэффективности публично-правовых санкций должна разрешаться прежде всего путем совершенствования норм административного и уголовного права. Но соответствующие законодательные инициативы могут занимать значительное время, в течение которого недобросовестные субъекты будут продолжать извлекать выгоду из нарушения прав других лиц, не опасаясь серьезных имущественных последствий: навязывать потребителям в агрессивной форме ненужные им товары, распространять продукцию, не отвечающую требованиям безопасности, осуществлять транспортировку нефтепродуктов в неправых судах и т. д. Для примера обратимся к статье 238 УК РФ, устанавливающей ответственность за производство либо сбыт товаров, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям

eliminated the risk of double liability, i.e., of simultaneous collection of the consumer fine and imposition of administrative / criminal penalties in the form of a fine. It also makes sense to abandon the current formula for calculating the fine (50 % of the amount of satisfied consumer claims) and give greater discretion to the judges, including for the suppression minor but mass violations of consumer rights.

An option that looks less appropriate is to leave the provisions of Article 15 of the Consumer Protection Law unchanged, with compensation for moral harm still simultaneously performing the compensatory, punitive, and preventive functions. In this case, in order to avoid duplication of punishments and excessive overcompensation, it is necessary to limit the use of the consumer fine as much as possible, for example, to apply it in the case of most egregious forms of the defendant's behavior (deception and other intentional acts against the consumer, clear indifference to consumer safety, etc.) by making an appropriate reservation clause in Item 6 of Article 13 of the Consumer Protection Law¹. Following the example of Chinese legislation, it is possible to indicate in the law (in § 3 of Chapter 59 of the RF Civil Code, as well as in Article 14 of the Consumer Protection Law) the possibility of collecting the fine in a situation where harm to the life and health of the consumer was caused by defects in the product which the defendant was aware of, but did not take timely measures to recall the product or otherwise failed to warn users. In such cases, the defendant's guilt in the form of intent or gross negligence can no longer be assumed (with reference to the rules of Item 2 of Article 401 or Item 2 of Article 1064 of the RF Civil Code), but is subject to proof by the claimant. As in the first case, it is more expedient to abandon the current formula for calculating the consumer fine and specify in the law a set of criteria, in particular: the degree of the defendant's guilt and his financial situation, commensurability with criminal and administrative fines for similar offenses, the fact of compensation to the victim by third parties.

The problem of excessive enrichment of the consumer in both the first and second approaches can be solved by setting the maximum amount of the consumer

fine, as well as by transferring part of the fine to the local budget or to special funds (charities, etc.) for victims. This practice existed in Russia until 2012 and may have needed only some improvements. In particular, when collecting a fine to the local budget, it is possible to provide for the targeted use of the funds, just as it is done with respect to the compensation for environmental damage².

Conclusion

The legal institution of punitive damages, known to common law, has a confusing origin and even a political background (in *Huckle v. Money*, *Wilks v. Wood*), but has withstood the test of time. None of the Commonwealth countries has abandoned its use³, although it has been subject to certain restrictions.

It is difficult to argue with the arguments of the supporters of strict separation of public and private law stating that punitive damages are a punishment (retribution) and hardly fit into the usual concept of civil liability. However, the counterarguments of the other side also deserve attention: public law does not always adequately respond to mass, but minor, offenses or is limited in terms of subjects of liability⁴; therefore, in some cases, civil lawsuits by victims or public organizations can provide a better preventive effect. The availability of the private law protection mechanism encourages victims themselves, in particular consumers, to identify and suppress unfair business practices.

Prof. Koziol is right in that the problem of ineffectiveness of public law sanctions should be solved, first of all, by improving the norms of administrative and criminal law. However, relevant legislative initiatives may require considerable time, during which dishonest or reckless entrepreneurs will continue to benefit from violating the rights of others without fear of serious consequences: to aggressively promote unnecessary goods to be bought by consumers, distribute unsafe products, transport petroleum products in faulty vessels, etc. For example, let us turn to Article 238 of the RF Criminal Code, which establishes penalties for the production or sale of goods, performance of works, or services that do not meet safety

¹ Мыслим и третий вариант, когда компенсация морального вреда за нарушение имущественных прав потребителя рассматривается с позиции исключительно карательной (стимулирующей) санкции, размер которой зависит от степени вины ответчика, его имущественного положения и пр. Иными словами, моральный вред превращается в некий частноправовой штраф. При подобном подходе не имеется политико-правовых оснований для сохранения в Законе о защите прав потребителей конструкции потребительского штрафа (п. 6 ст. 13).

² См.: ст. 78.2 Закона об охране окружающей среды.

³ Законодательство отдельных штатов США не является показателем общей тенденции.

⁴ В частности, лишь физические лица (граждане) могут быть субъектами уголовной ответственности по российскому праву.

¹ Hypothetically, a third option is also possible, in which compensation for moral harm in case of violation of a consumer's property rights is considered as an exclusively punitive (incentive) sanction, the amount of which depends on the degree of the defendant's guilt, his financial situation, etc. In other words, compensation for moral harm turns into a kind of private-law fine. With this approach, there are no political and legal grounds for maintaining the consumer fine provisions in the Consumer Protection Law (Item 6 of Article 13).

² See: Article 78.2 of the Environmental Protection Law.

³ The legislation of some U.S. states does not indicate the general trend.

⁴ For example, only individuals can be liable under Russian criminal law.

безопасности. В качестве наказания может быть наложен штраф в размере от 100 до 500 тыс. руб., который, скажем честно, не выглядит устрашающим. Кроме того, уголовное наказание не может быть применено к юридическому лицу, что не исключает вероятность продолжения им реализации опасных товаров (работ, услуг) уже при новом менеджменте, но под контролем прежних бенефициаров. О недостаточной эффективности уголовно-правовых санкций может свидетельствовать срез судебной практики по делам, связанным с травмированием детей и взрослых в развлекательных центрах с батутными ямами. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» по состоянию на июнь 2025 года выдает порядка 20 кассационных постановлений и 40 апелляционных – по гражданским делам о возмещении вреда здоровью и компенсации морального вреда, и в то же время не более 3–4 приговоров по статье 238 УК РФ в отношении руководителей и иных сотрудников батутных центров. В большинстве случаев уголовное наказание в виде лишения свободы было условным, а штраф не превышал 200 тыс. руб.¹

В подобных обстоятельствах существование штрафных санкций в частном праве кажется вполне закономерным явлением. Однако их гибридная (частно-публичная) правовая природа требует соответствующих «настроек», по аналогии с другими публичными санкциями, – точного описания оснований ответственности, включая форму вины ответчика, повышения стандарта доказывания в сравнении с обычным принятым при разрешении гражданских дел.

В гражданском законодательстве России штрафные (сверхкомпенсационные) санкции не являются редкостью. Функции наказания и превенции выполняют: штрафная неустойка, компенсация морального вреда, компенсация за нарушение исключительных прав и пр. И здесь нет места для инородной конструкции штрафных убытков. Скорее, следует довериться судебной практике, которая со временем обеспечит необходимый баланс интересов истца и ответчика. Однако в сфере потребительских отношений штрафные санкции представлены бессистемно, выполняют дублирующие функции, при этом условия их применения фактически ничем не отличаются от условий применения компенсаторных санкций (за исключением компенсации морального вреда, для взыскания которой по общему правилу необходима вина предпринимателя). С опорой на зарубежный опыт предлагаются два варианта реформирования норм Закона о защите прав потребителей, каждый из которых позволяет сохранить штраф в системе средств защиты прав потребителей, сделав его применение более справедливым и социально ориентированным.

Библиографический список

1. Богданов Д. Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 49–62.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М.: Статут, 2000. 848 с.
3. Бudyлин С. Л. Штрафные убытки. Теперь и в России? // Вестник гражданского права. 2013. Т. 13, № 4. С. 19–52.
4. Евстигнеев Э. А. Научно-практический комментарий к ст. 1099–1101 ГК о компенсации морального вреда // Цивилистика. 2022. № 5. С. 15–142.
5. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. М.: Проспект, 2024. 368 с.
6. Зардов Р. С. Об оправданности сохранения механизма законной штрафной неустойки на современном этапе // Закон. 2018. № 6. С. 128–139.
7. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.
8. Карпетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
9. Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 68–110.
10. Кузнецова О. А. В пользу кого взыскивается штраф, или Роль запятой в гражданском праве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст.; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 247–253.
11. Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1999. 310 с.
12. Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59–64.
13. Cavalier G. Punitive Damages and French Public Policy. Lyon Symposium. France, Lyon. 2007. URL: <https://univ-lyon3.hal.science/hal-00325829/document>.
14. Cunnington R. Should punitive damages be part of the judicial arsenal in contract cases? // Legal Studies. 2006. Vol. 26. № 3. Pp. 369–393. DOI:10.1111/j.1748-121X.2006.00016.x.
15. Cotchett J. W., Molumphy M. C. Punitive Damages: How Much Is Enough? // Civil Litigation Reporter. 1998. Vol. 20. Issue 1. URL: https://www.cpmlegal.com/publication-Punitive_Damages_How_Much_Is_Enough.
16. Doecke A. Exemplary Damages: Retribution and Condemnation – The Purpose Controlling the Scope of

requirements. As a punishment, a fine in the amount of 100,000 to 500,000 RUB can be imposed, which does not look intimidating. In addition, criminal punishment cannot be applied to a legal person, which does not exclude the possibility that it will continue to sell defective goods (works, services) under a new management, but under the control of the former beneficiaries. The insufficient effectiveness of criminal sanctions may be evidenced by judicial practice in cases involving the injury of children and adults in entertainment centers with trampoline pits. As of June 2025, the legal reference system 'ConsultantPlus' retrieved about 20 cassation rulings and 40 appeals in civil cases on compensation for injury to health and for moral harm, and at the same time no more than 3-4 sentences under Article 238 of the RF Criminal Code against managers and other employees of entertainment centers. In most cases, the criminal penalty in the form of imprisonment was conditional, and the fine did not exceed 200,000 RUB¹.

In such circumstances, the existence of over-compensatory sanctions in private law seems quite natural. However, their hybrid (private-public) legal nature requires appropriate adjustments, by analogy with other public sanctions – an accurate description of the grounds of liability, including the form of guilt, and an increased standard of proof in comparison with that usually accepted in civil litigation.

In Russian civil law, punitive (over-compensatory) sanctions are not uncommon. The functions of punishment and prevention are performed by: penalty, compensation for moral harm, compensation for breach of intellectual rights, etc. And there is no room for a foreign design of punitive damages. Rather, we should rely on judicial practice, which over time will ensure the necessary balance of interests of the victim and the tortfeasor. However, in the field of consumer relations, penalties are presented haphazardly, perform duplicating functions, while the conditions for their application are virtually the same as those for compensatory sanctions (with the exception of compensation for moral harm, which, as a general rule, requires the guilt of the entrepreneur). Based on foreign experience, two options are proposed for reforming the Consumer Protection Law, each of which makes it possible to keep the fine in the system of consumer protection measures, while making its application more fair and socially oriented.

References

1. Bogdanov D. E. *Triedinaya sushchnost' spravedlivosti v sfere deliktной otvetstvennosti* [The Triune Essence of Justice in Tort Liability]. *Zhurnal Rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2013. Issue 7. Pp. 49–62. (In Russ.).
2. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. *Dogovornoe pravo. Kniga pervaya. Obshchie polozheniya* [Law of Contracts. Book One. General Provisions]. Moscow, 2000. 848 p. (In Russ.).
3. Budylin S. L. *Shtrafnye ubytki. Teper' i v Rossii?* [Punitive Damages. Now in Russia, too?]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2013. Vol. 13. Issue 4. Pp. 19–52. (In Russ.).
4. Evstigneev E. A. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k st. 1099–1101 GK o kompensatsii moral'nogo vreda* [Scientific and Practical Commentary on Articles 1099–1101 of the Civil Code on Compensation for Moral Harm]. *Tsivilistika* – Science of Civil Law. 2022. Issue 5. Pp. 15–142. (In Russ.).
5. *Grazhdanskiy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki* [Civil Code of the People's Republic of China]. Moscow, 2024. 368 p. (In Russ.).
6. Zardov R. S. *Ob opravdannosti sokhraneniya mekhanizma zakonnoy shtrafnoy neustoyki na sovremennom etape* [On the Justification of Statutory Penalty Preservation at the Present Stage]. *Zakon* – Law. 2018. Issue 6. Pp. 128–139. (In Russ.).
7. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works: in 4 vols]. Vol. 1. *Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Legal Relationship under Soviet Civil Law. Liability under Soviet Civil Law]. St. Petersburg, 2003. 574 p. (In Russ.).
8. Karapetov A. G. *Ekonomicheskiy analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow, 2016. 528 p. (In Russ.).
9. Krasnova S. A. *Sverkhkompensatsionnaya zashchita v rossiyskom grazhdanskom prave: formy i predely* [Overcompensatory Protection in Russian Civil Law: Forms and Limits]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* – Herald of Economic Justice. 2020. Issue 1. Pp. 68–110. (In Russ.).
10. Kuznetsova O. A. *V pol'zu kogo vzyiskivaetsya shtraf, ili rol' zapyatoy v grazhdanskom prave* [Who Is Awarded a Fine, or the Role of the Comma in Civil Law]. *Sed'moy Permskiy kongress uchenykh-yuristov* [The Seventh Perm Congress of Legal Scientists (Perm, 2016, November 18-19): a collection of scientific articles]. Ed. by V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2017. Pp. 247–253. (In Russ.).
11. Rovnyy V. V. *Problemy edinstva rossiyskogo chastnogo prava* [Problems of the Unity of Russian Private Law]. Irkutsk, 1999. 310 p. (In Russ.).

¹ См., например: кассационное Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 фев. 2023 г. № 77-678/2023; кассационное Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 3 фев. 2021 г. № 77-187/2021.

¹ See: Ruling of the 8th Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-678/2023 of February 1, 2023; Ruling of the 9th Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-187/2021 of February 3, 2021.

the Exemplary Damages Award // *Adelaide Law Review*. 2017. Vol. 38. Pp. 87–112.

17. Freifield S. The Rationale of Punitive Damages // *Ohio St. L.J.* 1935. Vol. 1. Pp. 5–11.

18. Galanter M. The Day after the Litigation Explosion // *Maryland Law Review*. 1986. Vol. 46. Issue 3. Pp. 3–39.

19. Gotanda J. Y. Punitive Damages: A Comparative Analysis // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2003. Vol. 42. Pp. 391–444.

20. Jaffey P. The Law Commission Report on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages // *Modern Law Review*. 1998. Vol. 61. Issue 6. Pp. 860–869.

21. Jansen N., Rademacher L. Punitive Damages in Germany // *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives* / Helmut Koziol and Vanessa Wilcox (eds.). Vienna, 2009. Pp. 75–86.

22. Janssen A. U., Wang J. Punitive damages under the new Chinese Civil Code. A critical and comparative analysis // *Asia Pacific Law Review*. 2021. Vol. 29. Issue 2. Pp. 346–365. DOI: 10.1080/10192557.2022.2033087.

23. Jonson V. R. Punitive Damages, Chinese Tort Law, and the American Experience // *Frontiers of Law in China*. 2014. Vol. 9. Issue 3. Pp. 321–358.

24. Kelley J. E. Seeking Justice for Pollution Victims in China: Why China Should Amend the Tort Liability Law to Allow Punitive Damages in Environmental Tort Cases // *Seattle University Law Review*. 2012. Vol. 35. Pp. 527–557.

25. Kim M. Improving the Effectiveness of South Korean Product Liability Including Punitive Damages: A Comparative Analysis Between the United States and South Korea (2017). Theses and Dissertations. 72 p.

26. Koziol H. Punitive Damages – A European Perspective // *Louisiana Law Review*. 2008. Vol. 68. Issue 3. Pp. 741–764.

27. Lens J. W. Punishing for the Injury: Tort Law's influence in Defining the Constitutional Limitations on Punitive Damage Awards // *Hofstra Law Review*. 2011. Vol. 39. Pp. 595–644.

28. Maher F. An Empirical Study of Exemplary Damages in Australia // *Melbourne University Law Review*. 2019. Vol. 43. Issue 2. Pp. 694–747.

29. Mahé Ch. B. P. Punitive Damages in the Competing Reform Drafts of the French Civil Code // *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* / L. Meurkens & E. Nordin (eds.). Intersentia, 2012. Pp. 259–282.

30. Nagy C. I. Recognition and Enforcement of US Judgments Involving Punitive Damages in Continental Europe // *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30. No 1. Pp. 1–11.

31. Olson W. K. The Litigation Explosion: What Happened When America Unleashed the Lawsuit. Truman Talley Books, 1991. 388 p.

32. Owen D. G. Punitive Damages in Products Liability Litigation // *Michigan Law Review*. 1976. Vol. 74. Issue 7. Pp. 1257–1371.

33. Qu H. The Current Application and Optimization Suggestions of the Punitive Damages System in China // *Proceedings of ICILLP 2024 Workshop: Turkey's Current Corruption Situation: Laws, Economic Impact and Government Analysis*. 2024. Vol. 66. Pp. 43–52. DOI: 10.54254/2753-7048/66/2024MU0010.

34. Robinson M. P., Kane G. H. B. Punitive Damages in Product Liability Cases // *PePp. L. Rev.* 1978. Vol. 6. Issue 1. Pp. 139–148.

35. Sales J. B., Cole K. B. Punitive Damages: A Relic that Has Outlived Its Origins // *Vanderbilt Law Review*. 1984. Vol. 37. Pp. 1117–1172.

36. Sales J. B. The Emergence of Punitive Damages in Product Liability Actions: A Further Assault on the Citadel // *ST. MARY'S L.J.* 1982. Vol. 14. Issue 2. Pp. 351–404.

37. Schuster R. D. Punitive Damages Awards in Strict Products Liability Litigation: The Doctrine, the Debate, the Defenses // *Ohio State Law Journal*. 1981. Vol. 42. Issue 3. Pp. 771–796.

38. So J.-S., Song J.-E. Product Liability in Korea // *Product Liability: Fundamental Questions in a Comparative Perspective*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 80–96.

39. Tolani M. U.S. Punitive Damages before German Courts: Comparative Analysis with Respect to the Ordre Public // *Annual Survey of International and Comparative Law*. 2011. Vol. 17. Pp. 183–207.

40. Ungerer J. German Law's Dilemma with Punitive Damages: German Federal Court of Justice, Judgment of 4 June 1992, Case IX ZR 149/91 (BGHZ 118, 312) // J. Goudkamp; E. Katsampouka (eds); *Landmark Cases in the Law of Punitive Damages* (Hart 2023). Pp. 129–150. DOI:10.5040/9781509967032.ch-007.

41. Vanleenhove C. Punitive Damages and European Law: Quo Vademus? // *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 337–353.

42. Verheij A. J. Compensation for non-material damage. Academic dissertation to obtain the degree of doctor. Free University of Amsterdam. 2002. 622 p.

43. Volker B. Punitive Damages in American and German Law – Tendencies towards Approximation of Apparently Irreconcilable Concepts // *Chicago-Kent Law Review*. 2003. Vol. 78. Issue 1. Pp. 105–161.

44. Zhang X., Wang Y. Punitive damages in consumer public interest litigation in China: an empirical study // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-023-01985-4.

45. 陈丽平: 《外国惩罚性赔偿判决承认与执行问题研究》, 博士学位论文, 武汉, 中南财经政法大学, 2017, 198页。

46. 黄璞虑: 《民法典惩罚性赔偿条款在知识产权侵权领域的规范冲突与解决》。URL: <https://aiqicha.baidu.com/qifuknowledge/detail?id=10119409798>.

47. 税兵: 《惩罚性赔偿的规范构造——以最高人民法院第23号指导性案例为中心》, 载《法学》2015年第4期, 第98-108页。

12. Slesarev V. L., Kravets V. D. *Shtrafnaya neustoyka kak «sverkhkompensatsionnaya» sanktsiya i osobennosti ee primeneniya v delakh s uchastiem potrebitel'ey* [Punitive Penalty as an 'Overcompensation' Sanction and Features of Its Application in Cases Involving Consumers]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2022. Issue 3. Pp. 59–64. (In Russ.).

13. Cavalier G. Punitive Damages and French Public Policy. Lyon Symposium. France, Lyon, October 4-5, 2007. Available at: <https://univ-lyon3.hal.science/hal-00325829/document>. (In Eng.).

14. Cunnington R. Should Punitive Damages Be Part of the Judicial Arsenal in Contract Cases? *Legal Studies*. 2006. Vol. 26. Issue 3. Pp. 369–393. DOI: 10.1111/j.1748-121X.2006.00016.x. (In Eng.).

15. Cotchett J. W., Molumphy M. C. Punitive Damages: How Much Is Enough? *Civil Litigation Reporter*. 1998. Vol. 20. Issue 1. Available at: https://www.cpm-legal.com/publication-Punitive_Damages_How_Much_Is_Enough. (In Eng.).

16. Doecke A. Exemplary Damages: Retribution and Condemnation – The Purpose Controlling the Scope of the Exemplary Damages Award. *Adelaide Law Review*. 2017. Vol. 38. Pp. 87–112. (In Eng.).

17. Freifield S. The Rationale of Punitive Damages. *Ohio St. L.J.* 1935. Vol. 1. Pp. 5–11. (In Eng.).

18. Galanter M. The Day after the Litigation Explosion. *Maryland Law Review*. 1986. Vol. 46. Issue 3. Pp. 3–39. (In Eng.).

19. Gotanda J. Y. Punitive Damages: A Comparative Analysis. *Columbia Journal of Transnational Law*. 2003. Vol. 42. Pp. 391–444. (In Eng.).

20. Jaffey P. The Law Commission Report on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages. *Modern Law Review*. 1998. Vol. 61. Issue 6. Pp. 860–869. (In Eng.).

21. Jansen N., Rademacher L. Punitive Damages in Germany. In: Koziol H., Wilcox V. (eds.) *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives*. Vienna, 2009. Pp. 75–86. (In Eng.).

22. Janssen A. U., Wang J. Punitive Damages under the New Chinese Civil Code. A Critical and Comparative Analysis. *Asia Pacific Law Review*. 2021. Vol. 29. Issue 2. Pp. 346–365. DOI: 10.1080/10192557.2022.2033087. (In Eng.).

23. Jonson V. R. Punitive Damages, Chinese Tort Law, and the American Experience. *Frontiers of Law in China*. 2014. Vol. 9. Issue 3. Pp. 321–358. (In Eng.).

24. Kelley J. E. Seeking Justice for Pollution Victims in China: Why China Should Amend the Tort Liability Law to Allow Punitive Damages in Environmental Tort Cases. *Seattle University Law Review*. 2012. Vol. 35. Pp. 527–557. (In Eng.).

25. Kim M. Improving the Effectiveness of South Korean Product Liability Including Punitive Damages: A Comparative Analysis Between the United States and

South Korea. *Maurer Theses and Dissertations*. 2017. No. 47. 72 p. Available at: <https://www.repository.law.indiana.edu/etd/47/>. (In Eng.).

26. Koziol H. Punitive Damages – A European Perspective. *Louisiana Law Review*. 2008. Vol. 68. Issue 3. Pp. 741–764. (In Eng.).

27. Lens J. W. Punishing for the Injury: Tort Law's Influence in Defining the Constitutional Limitations on Punitive Damage Awards. *Hofstra Law Review*. 2011. Vol. 39. Pp. 595–644. (In Eng.).

28. Maher F. An Empirical Study of Exemplary Damages in Australia. *Melbourne University Law Review*. 2019. Vol. 43. Issue 2. Pp. 694–747. (In Eng.).

29. Mahé Ch. B. P. Punitive Damages in the Competing Reform Drafts of the French Civil Code. In Meurkens L., Nordin E. (eds.) *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 259–282. (In Eng.).

30. Nagy C. I. Recognition and Enforcement of US Judgments Involving Punitive Damages in Continental Europe. *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30. Issue 1. Pp. 1–11. (In Eng.).

31. Olson W. K. *The Litigation Explosion: What Happened When America Unleashed the Lawsuit*. Truman Talley Books, 1991. 388 p. (In Eng.).

32. Owen D. G. Punitive Damages in Products Liability Litigation. *Michigan Law Review*. 1976. Vol. 74. Pp. 1257–1371. (In Eng.).

33. Qu H. The Current Application and Optimization Suggestions of the Punitive Damages System in China. *Proceedings of ICILLP 2024 Workshop: Turkey's Current Corruption Situation: Laws, Economic Impact and Government Analysis*. 2024. Vol. 66. Pp. 43–52. DOI: 10.54254/2753-7048/66/2024MU0010. (In Eng.).

34. Robinson M. P., Kane G. H. B. Punitive Damages in Product Liability Cases. *PePp. L. Rev.* 1978. Vol. 6. Issue 1. Pp. 139–148. (In Eng.).

35. Sales J. B., Cole K. B. Punitive Damages: A Relic that Has Outlived Its Origins. *Vanderbilt Law Review*. 1984. Vol. 37. Pp. 1117–1172. (In Eng.).

36. Sales J. B. The Emergence of Punitive Damages in Product Liability Actions: A Further Assault on the Citadel. *ST. MARY'S L. J.* 1982. Vol. 14. Issue 2. Pp. 351–404. (In Eng.).

37. Schuster R. D. Punitive Damages Awards in Strict Products Liability Litigation: The Doctrine, the Debate, the Defenses. *Ohio State Law Journal*. 1981. Vol. 42. Issue 3. Pp. 771–796. (In Eng.).

38. So J.-S., Song J.-E. Product Liability in Korea. *Product Liability: Fundamental Questions in a Comparative Perspective*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 80–96. (In Eng.).

39. Tolani M. U.S. Punitive Damages before German Courts: Comparative Analysis with Respect to the Ordre Public. *Annual Survey of International and Comparative Law*. 2011. Vol. 17. Pp. 183–207. (In Eng.).

48. 王利明: 《惩罚性赔偿制度研究》, 载《中国社会科学》2000年第4期, 第112-122页。

49. 吴心怡: 《〈民法典〉背景下惩罚性赔偿制度研究》, 硕士学位论文, 延安, 延安大学, 2024, 43页。

References

1. Bogdanov D. E. *Triedinaya sushchnost' spravedlivosti v sfere deliktной otvetstvennosti* [The Triune Essence of Justice in Tort Liability]. *Zhurnal Rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2013. Issue 7. Pp. 49–62. (In Russ.).
2. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. *Dogovornoe pravo. Kniga pervaya. Obshchie polozheniya* [Law of Contracts. Book One. General Provisions]. Moscow, 2000. 848 p. (In Russ.).
3. Budylin S. L. *Shtrafnye ubytki. Teper' i v Rossii?* [Punitive Damages. Now in Russia, too?]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2013. Vol. 13. Issue 4. Pp. 19–52. (In Russ.).
4. Evstigneev E. A. *Nauchno-prakticheskiy komentariy k st. 1099–1101 GK o kompensatsii moral'nogo vreda* [Scientific and Practical Commentary on Articles 1099–1101 of the Civil Code on Compensation for Moral Harm]. *Tsivilistika* – Science of Civil Law. 2022. Issue 5. Pp. 15–142. (In Russ.).
5. *Grazhdanskiy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki* [Civil Code of the People's Republic of China]. Moscow, 2024. 368 p. (In Russ.).
6. Zardov R. S. *Ob opravdannosti sokhraneniya mekhanizma zakonnoy shtrafnoy neustoyki na sovremennom etape* [On the Justification of Statutory Penalty Preservation at the Present Stage]. *Zakon* – Law. 2018. Issue 6. Pp. 128–139. (In Russ.).
7. Ioffe O. S. *Izbrannyye trudy* [Selected Works: in 4 vols]. Vol. 1. *Pravoотношение po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Legal Relationship under Soviet Civil Law. Liability under Soviet Civil Law]. St. Petersburg, 2003. 574 p. (In Russ.).
8. Karapetov A. G. *Ekonomicheskiy analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow, 2016. 528 p. (In Russ.).
9. Krasnova S. A. *Sverkhkompensatsionnaya zashchita v rossiyskom grazhdanskom prave: formy i predely* [Overcompensatory Protection in Russian Civil Law: Forms and Limits]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* – Herald of Economic Justice. 2020. Issue 1. Pp. 68–110. (In Russ.).
10. Kuznetsova O. A. *V pol'zu kogo vzyaskivaetsya shtraf, ili rol' zapyatoy v grazhdanskom prave* [Who Is Awarded a Fine, or the Role of the Comma in Civil Law]. *Sed'moy Permskiy kongress uchenykh-yuristov* [The Seventh Perm Congress of Legal Scientists (Perm, 2016, November 18-19): a collection of scientific articles]. Ed. by V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2017. Pp. 247–253. (In Russ.).

11. Rovnyy V. V. *Problemy edinstva rossiyskogo chastnogo prava* [Problems of the Unity of Russian Private Law]. Irkutsk, 1999. 310 p. (In Russ.).

12. Slesarev V. L., Kravets V. D. *Shtrafnaya neustoyka kak «sverkhkompensatsionnaya» sanktsiya i osobennosti ee primeneniya v delakh s uchastiem potrebitel'ey* [Punitive Penalty as an 'Overcompensation' Sanction and Features of Its Application in Cases Involving Consumers]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2022. Issue 3. Pp. 59–64. (In Russ.).

13. Cavalier G. Punitive Damages and French Public Policy. Lyon Symposium. France, Lyon, October 4-5, 2007. Available at: <https://univ-lyon3.hal.science/hal-00325829/document>. (In Eng.).

14. Cunnington R. Should Punitive Damages Be Part of the Judicial Arsenal in Contract Cases? *Legal Studies*. 2006. Vol. 26. Issue 3. Pp. 369–393. DOI: 10.1111/j.1748-121X.2006.00016.x. (In Eng.).

15. Cotchett J. W., Molumphy M. C. Punitive Damages: How Much Is Enough? *Civil Litigation Reporter*. 1998. Vol. 20. Issue 1. Available at: https://www.cpmlegal.com/publication-Punitive_Damages_How_Much_Is_Enough. (In Eng.).

16. Doecke A. Exemplary Damages: Retribution and Condemnation – The Purpose Controlling the Scope of the Exemplary Damages Award. *Adelaide Law Review*. 2017. Vol. 38. Pp. 87–112. (In Eng.).

17. Freifield S. The Rationale of Punitive Damages. *Ohio St. L.J.* 1935. Vol. 1. Pp. 5–11. (In Eng.).

18. Galanter M. The Day after the Litigation Explosion. *Maryland Law Review*. 1986. Vol. 46. Issue 3. Pp. 3–39. (In Eng.).

19. Gotanda J. Y. Punitive Damages: A Comparative Analysis. *Columbia Journal of Transnational Law*. 2003. Vol. 42. Pp. 391–444. (In Eng.).

20. Jaffey P. The Law Commission Report on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages. *Modern Law Review*. 1998. Vol. 61. Issue 6. Pp. 860–869. (In Eng.).

21. Jansen N., Rademacher L. Punitive Damages in Germany. In: Koziol H., Wilcox V. (eds.) *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives*. Vienna, 2009. Pp. 75–86. (In Eng.).

22. Janssen A. U., Wang J. Punitive Damages under the New Chinese Civil Code. A Critical and Comparative Analysis. *Asia Pacific Law Review*. 2021. Vol. 29. Issue 2. Pp. 346–365. DOI: 10.1080/10192557.2022.2033087. (In Eng.).

23. Jonson V. R. Punitive Damages, Chinese Tort Law, and the American Experience. *Frontiers of Law in China*. 2014. Vol. 9. Issue 3. Pp. 321–358. (In Eng.).

24. Kelley J. E. Seeking Justice for Pollution Victims in China: Why China Should Amend the Tort Liability Law to Allow Punitive Damages in Environmental Tort Cases. *Seattle University Law Review*. 2012. Vol. 35. Pp. 527–557. (In Eng.).

40. Ungerer J. German Law's Dilemma with Punitive Damages: German Federal Court of Justice, Judgment of 4 June 1992, Case IX ZR 149/91 (BGHZ 118, 312). In Goudkamp J., Katsampouka E. (eds.) *Landmark Cases in the Law of Punitive Damages*. Hart, 2023. Pp. 129–150. DOI:10.5040/9781509967032.ch-007. (In Eng.).

41. Vanleenhove C. Punitive Damages and European Law: Quo Vademus? In Meurkens L., Nordin E. (eds.) *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 337–353. (In Eng.).

42. Verheij A. J. *Compensation for Non-Material Damage*. Academic dissertation to obtain the degree of doctor. Free University of Amsterdam, 2002. 622 p. (In Eng.).

43. Volker B. Punitive Damages in American and German Law – Tendencies towards Approximation of Apparently Irreconcilable Concepts. *Chicago-Kent Law Review*. 2003. Vol. 78. Issue 1. Pp. 105–161. (In Eng.).

44. Zhang X., Wang Y. Punitive Damages in Consumer Public Interest Litigation in China: An Empirical Study. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-023-01985-4. (In Eng.).

45. Chen L. *Waiguo chengfaxing peichang panjue chengren yu zhixing wenti yanjiu* [A Study on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments on Punitive Damages]. Doctoral Thesis. Wuhan, Zhongnan University of Economics and Law, 2017. 198 p. (In Chin.).

46. Huang P. *Minfadian chengfaxing peichang tiaokuan zai zhishichanquan qinquan lingyu de guifan chongtu yu jiejie* [Legal Conflicts in the Provisions of the Civil Code on Punitive Damages Related to Intellectual Rights Violations and the Overcoming of Such Conflicts]. Available at: <https://aiqicha.baidu.com/qifuknowledge/detail?id=10119409798>. (In Chin.).

47. Shui B. *Chengfaxing peichang de guifan gouzao – yi zuigao renmin fayuan di 23 hao zhidaoxing anli wei zhongxin* [The Normative Structure of Punitive Compensation – Based on the Guiding Case No. 23 of the Supreme People's Court]. *Jurisprudence*. 2015. Vol. 2015. Pp. 98–108. (In Chin.).

48. Wang L. *Chengfaxing peichang zhidu yanjiu* [Research on the Punitive Damages System]. *Zhongguo shehui kexue* – Chinese Social Sciences. 2000. Issue 4. Pp. 112–122. (In Chin.).

49. Wu X. *Minfadian beijingxia chengfaxing peichang zhidu yanjiu* [Research on the Punitive Compensation System From the Perspective of the Civil Code]. Master Thesis. Yan'an, Yan'an University, 2024. 43 p. (In Chin.).

References in Russian

1. Богданов Д. Е. Тринединная сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 49–62.

2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. *Договорное право. Книга первая. Общие положения*. М.: Статут, 2000. 848 с.

3. Бudyлин С. Л. Штрафные убытки. Теперь и в России? // Вестник гражданского права. 2013. Т. 13, № 4. С. 19–52.

4. Евстигнеев Э. А. Научно-практический комментарий к ст. 1099–1101 ГК о компенсации морального вреда // Цивилистика. 2022. № 5. С. 15–142.

5. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. М.: Проспект, 2024. 368 с.

6. Зардов Р. С. Об оправданности сохранения механизма законной штрафной неустойки на современном этапе // Закон. 2018. № 6. С. 128–139.

7. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.

8. Карпетов А. Г. *Экономический анализ права*. М.: Статут, 2016. 528 с.

9. Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 68–110.

10. Кузнецова О. А. В пользу кого взыскивается штраф, или Роль запятой в гражданском праве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст.; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 247–253.

11. Ровный В. В. *Проблемы единства российского частного права*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1999. 310 с.

12. Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59–64.

13. Cavalier G. Punitive Damages and French Public Policy. Lyon Symposium. France, Lyon. 2007. URL: <https://univ-lyon3.hal.science/hal-00325829/document>.

14. Cunnington R. Should punitive damages be part of the judicial arsenal in contract cases? // *Legal Studies*. 2006. Vol. 26. № 3. Pp. 369–393. DOI:10.1111/j.1748-121X.2006.00016.x.

15. Cotchett J. W., Molumphy M. C. Punitive Damages: How Much Is Enough? // *Civil Litigation Reporter*. 1998. Vol. 20. Issue 1. URL: https://www.cpmlegal.com/publication-Punitive_Damages_How_Much_Is_Enough.

16. Doecke A. Exemplary Damages: Retribution and Condemnation – The Purpose Controlling the Scope of the Exemplary Damages Award // *Adelaide Law Review*. 2017. Vol. 38. Pp. 87–112.

17. Freifield S. The Rationale of Punitive Damages // *Ohio St. L.J.* 1935. Vol. 1. Pp. 5–11.

18. Galanter M. The Day after the Litigation Explosion // *Maryland Law Review*. 1986. Vol. 46. Issue 3. Pp. 3–39.

25. Kim M. Improving the Effectiveness of South Korean Product Liability Including Punitive Damages: A Comparative Analysis Between the United States and South Korea. *Maurer Theses and Dissertations*. 2017. No. 47. 72 p. Available at: <https://www.repository.law.indiana.edu/etd/47/>. (In Eng.).
26. Koziol H. Punitive Damages – A European Perspective. *Louisiana Law Review*. 2008. Vol. 68. Issue 3. Pp. 741–764. (In Eng.).
27. Lens J. W. Punishing for the Injury: Tort Law's Influence in Defining the Constitutional Limitations on Punitive Damage Awards. *Hofstra Law Review*. 2011. Vol. 39. Pp. 595–644. (In Eng.).
28. Maher F. An Empirical Study of Exemplary Damages in Australia. *Melbourne University Law Review*. 2019. Vol. 43. Issue 2. Pp. 694–747. (In Eng.).
29. Mahé Ch. B. P. Punitive Damages in the Competing Reform Drafts of the French Civil Code. In Meurkens L., Nordin E. (eds.) *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 259–282. (In Eng.).
30. Nagy C. I. Recognition and Enforcement of US Judgments Involving Punitive Damages in Continental Europe. *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30. Issue 1. Pp. 1–11. (In Eng.).
31. Olson W. K. *The Litigation Explosion: What Happened When America Unleashed the Lawsuit*. Truman Talley Books, 1991. 388 p. (In Eng.).
32. Owen D. G. Punitive Damages in Products Liability Litigation. *Michigan Law Review*. 1976. Vol. 74. Pp. 1257–1371. (In Eng.).
33. Qu H. The Current Application and Optimization Suggestions of the Punitive Damages System in China. *Proceedings of ICILLP 2024 Workshop: Turkey's Current Corruption Situation: Laws, Economic Impact and Government Analysis*. 2024. Vol. 66. Pp. 43–52. DOI: 10.54254/2753-7048/66/2024MU0010. (In Eng.).
34. Robinson M. P., Kane G. H. B. Punitive Damages in Product Liability Cases. *PePp. L. Rev.* 1978. Vol. 6. Issue 1. Pp. 139–148. (In Eng.).
35. Sales J. B., Cole K. B. Punitive Damages: A Relic that Has Outlived Its Origins. *Vanderbilt Law Review*. 1984. Vol. 37. Pp. 1117–1172. (In Eng.).
36. Sales J. B. The Emergence of Punitive Damages in Product Liability Actions: A Further Assault on the Citadel. *ST. MARY'S L. J.* 1982. Vol. 14. Issue 2. Pp. 351–404. (In Eng.).
37. Schuster R. D. Punitive Damages Awards in Strict Products Liability Litigation: The Doctrine, the Debate, the Defenses. *Ohio State Law Journal*. 1981. Vol. 42. Issue 3. Pp. 771–796. (In Eng.).
38. So J.-S., Song J.-E. Product Liability in Korea. *Product Liability: Fundamental Questions in a Comparative Perspective*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 80–96. (In Eng.).
39. Tolani M. U.S. Punitive Damages before German Courts: Comparative Analysis with Respect to the Ordre Public. *Annual Survey of International and Comparative Law*. 2011. Vol. 17. Pp. 183–207. (In Eng.).
40. Ungerer J. German Law's Dilemma with Punitive Damages: German Federal Court of Justice, Judgment of 4 June 1992, Case IX ZR 149/91 (BGHZ 118, 312). In Goudkamp J., Katsampouka E. (eds.) *Landmark Cases in the Law of Punitive Damages*. Hart, 2023. Pp. 129–150. DOI:10.5040/9781509967032.ch-007. (In Eng.).
41. Vanleenhove C. Punitive Damages and European Law: Quo Vademus? In Meurkens L., Nordin E. (eds.) *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 337–353. (In Eng.).
42. Verheij A. J. *Compensation for Non-Material Damage*. Academic dissertation to obtain the degree of doctor. Free University of Amsterdam, 2002. 622 p. (In Eng.).
43. Volker B. Punitive Damages in American and German Law – Tendencies towards Approximation of Apparently Irreconcilable Concepts. *Chicago-Kent Law Review*. 2003. Vol. 78. Issue 1. Pp. 105–161. (In Eng.).
44. Zhang X., Wang Y. Punitive Damages in Consumer Public Interest Litigation in China: An Empirical Study. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-023-01985-4. (In Eng.).
45. Chen L. *Waiguo chengfaxing peichang panjue chengren yu zhixing wenti yanjiu* [A Study on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments on Punitive Damages]. Doctoral Thesis. Wuhan, Zhongnan University of Economics and Law, 2017. 198 p. (In Chin.).
46. Huang P. *Minfadian chengfaxing peichang tiaokuan zai zhishichanquan qinquan lingyu de guifan chongtu yu jieju* [Legal Conflicts in the Provisions of the Civil Code on Punitive Damages Related to Intellectual Rights Violations and the Overcoming of Such Conflicts]. Available at: <https://aiqicha.baidu.com/qifuknowledge/detail?id=10119409798>. (In Chin.).
47. Shui B. *Chengfaxing peichang de guifan gouzao – yi zuigao renmin fayuan di 23 hao zhidaoxing anli wei zhongxin* [The Normative Structure of Punitive Compensation – Based on the Guiding Case No. 23 of the Supreme People's Court]. *Jurisprudence*. 2015. Vol. 2015. Pp. 98–108. (In Chin.).
48. Wang L. *Chengfaxing peichang zhidu yanjiu* [Research on the Punitive Damages System]. *Zhongguo shehui kexue – Chinese Social Sciences*. 2000. Issue 4. Pp. 112–122. (In Chin.).
49. Wu X. *Minfadian beijingxia chengfaxing peichang zhidu yanjiu* [Research on the Punitive Compensation System From the Perspective of the Civil Code]. Master Thesis. Yan'an, Yan'an University, 2024. 43 p. (In Chin.).

19. Gotanda J. Y. Punitive Damages: A Comparative Analysis // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2003. Vol. 42. Pp. 391–444.
20. Jaffey P. The Law Commission Report on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages // *Modern Law Review*. 1998. Vol. 61. Issue 6. Pp. 860–869.
21. Jansen N., Rademacher L. Punitive Damages in Germany // *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives* / Helmut Koziol and Vanessa Wilcox (eds.). Vienna, 2009. Pp. 75–86.
22. Janssen A. U., Wang J. Punitive damages under the new Chinese Civil Code. A critical and comparative analysis // *Asia Pacific Law Review*. 2021. Vol. 29. Issue 2. Pp. 346–365. DOI: 10.1080/10192557.2022.2033087.
23. Jonson V. R. Punitive Damages, Chinese Tort Law, and the American Experience // *Frontiers of Law in China*. 2014. Vol. 9. Issue 3. Pp. 321–358.
24. Kelley J. E. Seeking Justice for Pollution Victims in China: Why China Should Amend the Tort Liability Law to Allow Punitive Damages in Environmental Tort Cases // *Seattle University Law Review*. 2012. Vol. 35. Pp. 527–557.
25. Kim M. Improving the Effectiveness of South Korean Product Liability Including Punitive Damages: A Comparative Analysis Between the United States and South Korea (2017). Theses and Dissertations. 72 p.
26. Koziol H. Punitive Damages – A European Perspective // *Louisiana Law Review*. 2008. Vol. 68. Issue 3. Pp. 741–764.
27. Lens J. W. Punishing for the Injury: Tort Law's influence in Defining the Constitutional Limitations on Punitive Damage Awards // *Hofstra Law Review*. 2011. Vol. 39. Pp. 595–644.
28. Maher F. An Empirical Study of Exemplary Damages in Australia // *Melbourne University Law Review*. 2019. Vol. 43. Issue 2. Pp. 694–747.
29. Mahé Ch. B. P. Punitive Damages in the Competing Reform Drafts of the French Civil Code // *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* / L. Meurkens & E. Nordin (eds.). Intersentia, 2012. Pp. 259–282.
30. Nagy C. I. Recognition and Enforcement of US Judgments Involving Punitive Damages in Continental Europe // *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30. No 1. Pp. 1–11.
31. Olson W. K. *The Litigation Explosion: What Happened When America Unleashed the Lawsuit*. Truman Talley Books, 1991. 388 p.
32. Owen D. G. Punitive Damages in Products Liability Litigation // *Michigan Law Review*. 1976. Vol. 74. Issue 7. Pp. 1257–1371.
33. Qu H. The Current Application and Optimization Suggestions of the Punitive Damages System in China // *Proceedings of ICILLP 2024 Workshop: Turkey's Current Corruption Situation: Laws, Economic Impact and Government Analysis*. 2024. Vol. 66. Pp. 43–52. DOI: 10.54254/2753-7048/66/2024MU0010.
34. Robinson M. P., Kane G. H. B. Punitive Damages in Product Liability Cases // *PePp. L. Rev.* 1978. Vol. 6. Issue 1. Pp. 139–148.
35. Sales J. B., Cole K. B. Punitive Damages: A Relic that Has Outlived Its Origins // *Vanderbilt Law Review*. 1984. Vol. 37. Pp. 1117–1172.
36. Sales J. B. The Emergence of Punitive Damages in Product Liability Actions: A Further Assault on the Citadel // *ST. MARY'S L.J.* 1982. Vol. 14. Issue 2. Pp. 351–404.
37. Schuster R. D. Punitive Damages Awards in Strict Products Liability Litigation: The Doctrine, the Debate, the Defenses // *Ohio State Law Journal*. 1981. Vol. 42. Issue 3. Pp. 771–796.
38. So J.-S., Song J.-E. Product Liability in Korea // *Product Liability: Fundamental Questions in a Comparative Perspective*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 80–96.
39. Tolani M. U.S. Punitive Damages before German Courts: Comparative Analysis with Respect to the Ordre Public // *Annual Survey of International and Comparative Law*. 2011. Vol. 17. Pp. 183–207.
40. Ungerer J. German Law's Dilemma with Punitive Damages: German Federal Court of Justice, Judgment of 4 June 1992, Case IX ZR 149/91 (BGHZ 118, 312) // J. Goudkamp; E.Katsampouka (eds); *Landmark Cases in the Law of Punitive Damages* (Hart 2023). Pp. 129–150. DOI:10.5040/9781509967032.ch-007.
41. Vanleenhove C. Punitive Damages and European Law: Quo Vademus? // *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 337–353.
42. Verheij A. J. *Compensation for non-material damage*. Academic dissertation to obtain the degree of doctor. Free University of Amsterdam. 2002. 622 p.
43. Volker B. Punitive Damages in American and German Law – Tendencies towards Approximation of Apparently Irreconcilable Concepts // *Chicago-Kent Law Review*. 2003. Vol. 78. Issue 1. Pp. 105–161.
44. Zhang X., Wang Y. Punitive damages in consumer public interest litigation in China: an empirical study // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-023-01985-4.
45. 陈丽平：《外国惩罚性赔偿判决承认与执行问题研究》，博士学位论文，武汉，中南财经政法大学，2017，198页。
46. 黄璞虑：《民法典惩罚性赔偿条款在知识产权侵权领域的规范冲突与解决》。URL: <https://aiqicha.baidu.com/qifuknowledge/detail?id=10119409798>.
47. 税兵：《惩罚性赔偿的规范构造——以最高人民法院第23号指导性案例为中心》，载《法学》2015年第4期，第98-108页。
48. 王利明：《惩罚性赔偿制度研究》，载《中国社会科学》2000年第4期，第112-122页。
49. 吴心怡：《<民法典>背景下惩罚性赔偿制度研究》，硕士学位论文，延安，延安大学，2024，43页。

Информация об авторах:

М. В. Кратенко

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургский государственный университет
199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 22-я линия В.О., 7

ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01

Е. А. Ербахаев

Доктор права
Китайский политико-правовой университет
100088, КНР, г. Пекин, ул. Ситучен, 25

Адвокат, советник
Адвокатское бюро «Казачков и партнеры»
101000, Москва, Лялин переулоч, 9, стр. 3

ORCID: 0000-0003-1332-6053
ResearcherID OCK-5386-2025

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21638/spbu14.2019.213
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213

About the authors:

M. V. Kratenko

St. Petersburg State University
7, 22 line, Vasilyevsky Ostrov, St. Petersburg, 199106,
Russia

ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.17116/sudmed20236601159
DOI: 10.17116/sudmed20226501162
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01

E. A. Erbakhaev

China University of Political Science and Law
25, Xitucneng st., Beijing, 100088, PRC

Kazakov & Partners Attorneys at Law
9, bld. 3, Lyalin pereulok, Moscow, 101000, Russia

ORCID: 0000-0003-1332-6053
ResearcherID OCK-5386-2025

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21638/spbu14.2019.213
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213

About the authors:

M. V. Kratenko

St. Petersburg State University
7, 22 line, Vasilyevsky Ostrov, St. Petersburg, 199106,
Russia

ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.17116/sudmed20236601159
DOI: 10.17116/sudmed20226501162
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01

E. A. Erbakhaev

China University of Political Science and Law
25, Xitucneng st., Beijing, 100088, PRC

Kazakov & Partners Attorneys at Law
9, bld. 3, Lyalin pereulok, Moscow, 101000, Russia

ORCID: 0000-0003-1332-6053
ResearcherID OCK-5386-2025

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21638/spbu14.2019.213
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213

Информация об авторах:

М. В. Кратенко

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургский государственный универси-
тет
199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 22-я линия В.О.,
7

ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01

Е. А. Ербахаев

Доктор права
Китайский политико-правовой университет
100088, КНР, г. Пекин, ул. Ситучен, 25

Адвокат, советник
Адвокатское бюро «Казачков и партнеры»
101000, Москва, Лялин переулоч, 9, стр. 3

ORCID: 0000-0003-1332-6053
ResearcherID OCK-5386-2025

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21638/spbu14.2019.213
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213